

пр 2051
1

✓

Вестник Харь-
ковского Историко-
Филологического
Общества.
Вып. 1.

1911.

Вѣстникъ

ХАРЬКОВСКАГО

Историко-Филологическаго

Общества.

— Выпускъ I. —

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“,
Контурская, Клещевскій пер., № 3.

1911.

06/
X-23

Пр 2051
1

Вѣстникъ

ХАРЬКОВСКАГО

Историко-Филологическаго
Общества.

= Выпускъ I. =

31951

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

2025
1964

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“,
Конторская, Клещевскій пер., № 3.

1911.

Всестиня

Всестиня

Всестиня

Всестиня

Всестиня

Всестиня

Всестиня

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Предисловіе	1— 2
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> Харьковъ и Шевченко	3—11
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> Послѣднее стихотвореніе Т. Г. Шевченка. . .	12—16
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> Дубы Т. Г. Шевченка	17—20
<i>Д. И. Багалъй.</i> Костомаровскіе дни въ Воронежѣ.	21—30
Къ постановкѣ памятника Г. Θ. Квиткѣ-Основьяненку и изда- нію сборника статей о немъ	31—34
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> П. И. Житецкій	35—38
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> І. Е. Мандельштамъ	39—42
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> Т. М. Пархоменко	43—45
<i>Л. Маціевичъ.</i> Іеромонахъ Веніаминъ Гонтаревскій	46—51
Къ Всероссійскому Съѣзду художниковъ	52—57
<i>Н. Ф. Сумцовъ.</i> Новости по исторіи украинскаго искусства . .	58—69
<i>С. В. Соловьевъ.</i> Новая Сорбонна	70—75
Извѣстія и замѣтки.	76—80
Протоколы засѣданій И.-Ф. Общества	81—85
Спеціальныя капиталы И.-Ф. Общества для выдачи премій . . .	84

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 1 апрѣля 1911 г. было заслушано слѣдующее предложеніе предсѣдателя Общества проф. Н. Ф. Сумцова:

„Научно-издательская дѣятельность И. Ф. Общества достигла крупныхъ размѣровъ: 20-ти томовъ, причемъ всѣ томы, особенно послѣдніе, какъ весьма объемистые, потребовали большихъ затратъ и большихъ усилій. Такъ какъ всѣ послѣдніе томы тѣсно связаны съ именами лицъ, въ связи съ юбилейными чествованіями заслуженныхъ членовъ Общества или съ поминками усопшихъ ученыхъ, много потрудившихся для Общества, или съ южно-русскими Археологическими Сѣздами въ Харьковъ и Екатеринбургъ, то въ сборники вошли ученые изслѣдованія въ подборъ по извѣстнымъ специальностямъ, по археологій, мѣстной исторіи, славяновѣдѣнію, украиновѣдѣнію, исторіи и теоріи искусства. Остаются въ сторонѣ сырые матеріалы, большіе и малые, остаются неизданными отчеты и протоколы за нѣсколько лѣтъ, въ большомъ количествѣ. Текущая жизнь И. Ф. Общества остается почти въ полной неизвѣстности, если не считать краткихъ сообщеній въ хроникѣ „Южнаго Края“, быстро забываемыхъ и съ трудомъ затѣмъ наводимыхъ. Между тѣмъ И. Ф. Общество, какъ живая общественная среда, нуждается въ постоянномъ и непрерывномъ живомъ общеніи съ широкими слоями мѣстнаго образованнаго общества, съ иногородними людьми науки, съ своими иногородними членами, въ кругъ историческихъ, филологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ изученій и интересовъ. Изданіе большихъ томовъ Сборника при всей ихъ цѣнности, въ зависимости отъ недостатка денежныхъ средствъ и медленности работы типографій, всегда очень затягивается. Непрерывающаяся интенсивная дѣятельность И. Ф. Общества, вслѣдствіе недостатка организаціи въ издательской дѣятельности, представляется недостаточно извѣстной.

Въ интересахъ частаго, живаго общенія И. Ф. Общества съ разными учеными лицами и учрежденіями въ предѣлахъ историко-филологическихъ изученій представляется весьма желательнымъ, даже прямо

необходимымъ изданіе „Вѣстника“ И. Ф. Общества въ неопредѣленные сроки, наприкладъ, по 4 №№ въ годъ, въ которомъ должны помѣщаться протоколы засѣданій И. Ф. Общества, Педагогическаго Отдѣла и Квиткинскою комиссіи, отчеты о рефератахъ, небольшого размѣра матеріалы, бібліографическія статьи о научныхъ новостяхъ, портреты и рисунки.

Съ теченіемъ времени можно увеличивать число выпусковъ въ году, увеличивать ихъ объемъ и величину матеріала; но на первое время желательно выпускать „Вѣстникъ“ брошюрами въ 4 или 5 листовъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы отдѣльныя статьи были не болѣе печатнаго листа, чтобы оттиски въ количествѣ 100 экз. выдаваемы были лишь при величинѣ статьи въ полъ-листа, чтобы количество печатаемыхъ выпусковъ на первое время было опредѣлено небольшою цифрою въ 1000 экз. и установлены были цѣны коп. въ 30 или въ 50 за экз.

Кромѣ чисто научнаго значенія, „Вѣстникъ“ можетъ пригодиться И. Ф. Обществу для распространенія и сбыта его болѣе крупныхъ изданій.

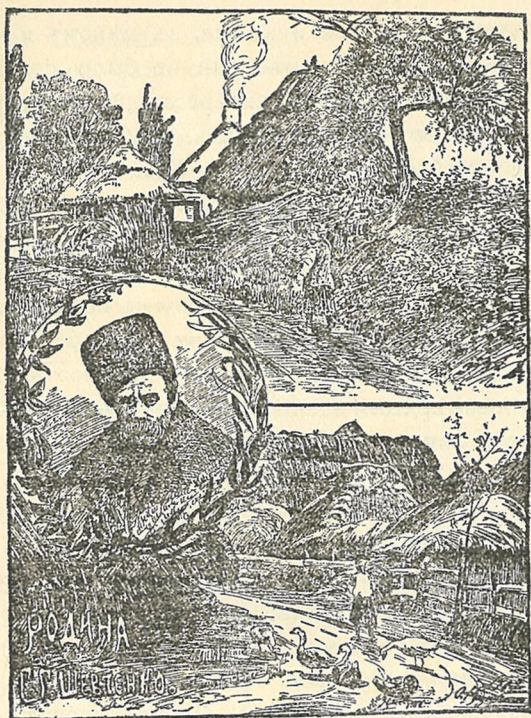
Подготовку къ печати и корректуру Вѣстника желательно поручить особой редакціонной комиссіи въ составъ предсѣдателя, секретаря и 2 или 3 членовъ И. Ф. Общества.

Содержаніе и составъ каждаго выпуска предварительно представляются комиссіей на утвержденіе И. Ф. Общества“.

По обсужденіи предложенія предсѣдателя постановлено издавать „Вѣстникъ“ по 4 вып. въ годъ (если позволятъ средства), отъ 3 до 5 печатныхъ листовъ каждый, не прекращая въ то же время изданія Сборника. Редактированіе поручить комиссіи въ составъ предсѣдателя, секретаря и трехъ членовъ Общества. Величина отдѣльныхъ статей не болѣе одного печатнаго листа. Издавать „Вѣстникъ“ въ количествѣ 1000 экз. Оттиски за счетъ Общества выдаются при размѣрѣ статьи не менѣе половины печатнаго листа.

Въ томъ же засѣданіи Общества членами редакціоннаго комитета выбраны предсѣдатель Н. Ф. Сумцовъ, секретарь Е. М. Ивановъ и члены Общества В. И. Савва, А. В. Ветуховъ и проф. С. В. Соловьевъ.

Харьковъ и Шевченко.

Въ пятидесятилѣтіе со времени кончины Т. Г. Шевченка естественно возникаетъ вопросъ, въ какихъ соотношеніяхъ былъ великій украинскій поэтъ къ различнымъ частямъ своего обширнаго родного края и какъ относились къ нему лично и къ его поэзіи его земляки въ разныхъ сословіяхъ и мѣстностяхъ, въ зависимости отъ условій его жизни и содержанія его стихотвореній.

Въ приложеніи къ Слободской Украинѣ и ея главному жизненному центру Харькову вопросъ этотъ разбивается на рядъ частныхъ вопросовъ, былъ ли Шевченко въ этомъ краѣ, имѣлъ ли онъ тутъ какія-либо личныя или литературныя связи, использовалъ ли какія-либо вліянія, исходившія изъ этого края, какъ его земляки въ предѣлахъ Харьковщины относились къ нему при жизни и послѣ смерти, чѣмъ воспользовались изъ его „коморы“, что сдѣлали для прославленія имени поэта и изученія его художественнаго творчества.

Всѣ эти вопросы, большіе и малые, въ цѣломъ и частяхъ, представляютъ интересъ новизны: ранѣе они не были поставлены и не возбуждали къ себѣ до сихъ поръ интереса; для рѣшенія ихъ приходится собирать матеріалъ по случайнымъ, разбросаннымъ крупицамъ.

Харьковъ лично никогда не видѣлъ Шевченка. Въ іюнѣ 1859 г. поэтъ мимоходомъ заглянулъ лишь въ Лебединскій уѣздъ, въ село Лихвинъ, къ знакомому богатому помѣщику Хрущову, одному изъ наиболѣе дѣятельныхъ мѣстныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Въ Лебединѣ или Лихвинѣ онъ познакомился съ братьями Залѣсскими, знаменитыми въ своемъ углѣ „мочемордами“ и „варенушниками“, т. е. попросту выпиваками,—общество несовсѣмъ для поэта благопріятное. Въ компаніи, съ чрезмѣрными возліяніями Бахусу, была устроена каша. Памятникомъ этого эпизода является рисунокъ Т. Г., съ его собственноручной надписью: „варенушному архимайстрові А. М. Залѣсскому на память 9 іюня 1859 г.“ На рисунокѣ одинъ варенушникъ спитъ, свалившись; а два другихъ въ подпитіи сидятъ обнявшись ¹⁾.

Вліяніе Харьковщины на Т. Г. Шевченка не ограничивается этимъ мелкимъ варенушнымъ эпизодомъ. Было другое вліяніе, гораздо болѣе важное, вліяніе благотворное—харьковской старой литетатуры, особенно трехъ наиболѣе крупныхъ ея представителей—Г. С. Сковороды, Г. О. Квитки-Основьяненка и А. Л. Метлинскаго.

О глубокомъ уваженіи Т. Г. къ Квиткѣ говоритъ его извѣстное стихотвореніе „До Основьяненка“ 1839 г. Тутъ поэтъ называетъ Квитку и батькомъ атаманомъ, и голубомъ, и орломъ сизымъ. Тутъ онъ отмѣчаетъ:

Тебе люде поважають,
Добрий голос маешь

и возлагаєть на Квитку великія надежды, что его весь свѣтъ услышитъ, и отъ него узнають, что было на Украинѣ, за что она погибала

За що слава козацькая
На всім світі стала!...

Хотя Метлинскій и не упоминается въ Кобзарѣ; но что скромная муза этого профессора не осталось безъ вліянія на Т. Г., яркимъ доказательствомъ служить первый, въ художественномъ отношеніи роскошный куплетъ въ „Причинна“—„Реве та стогне Дніпр широкий“, представляющій собою усовершенствованную передѣлку одного изъ стихотвореній Метлинскаго.

¹⁾ Снимокъ съ этого рисунка вошелъ въ I выпускъ „Малюнки Т. Шевченка“ изд. 1911 г. № 21.

Любовь къ Шевченку еще при его жизни стала развиваться среди интеллигенціи, какъ собственно украинской, для которой звуча-ная и гуманная муза поэта была цѣлымъ откровеніемъ, такъ и среди многихъ образованныхъ великороссовъ, понявшихъ важное историко-культурное значеніе новой, оригинальной художественной силы. Характерно уже то обстоятельство, что въ первый годъ по кончинѣ славнаго украинскаго поэта въ Харьковѣ о немъ прочли публично рѣчи три профессора мѣстнаго университета, изъ нихъ два чистѣй-шихъ великоросса, въ томъ числѣ такой солидный дѣятель въ области науки, какъ Н. А. Лавровскій, впоследствии попечитель рижскаго учебнаго округа.

Какъ любили въ концѣ жизни Шевченка его земляки на Украинѣ, видно изъ письма Кулиша къ нему изъ Полтавы въ 1860 году: „Полтавці, зазвавши мене до себе на бенкет, жалкували, що ви до них торік не завітали. Скільки не було там на бенкеті річей поважних, то знай Ваше славне і шановне имя споминали так, як рідна сімья споминає про свого батька, що десь далеко живе на чужині. Пили не разъ за Ваше здоров'є и просили мене вблагати Вас, щоб Ви хоч на ту весну пошанували Полтаву, явивши їй свою кохану і шановну персону. Оце ж я, виповняючи свою обіцянку, запевняю Вас, що нігде въ світі таких щирих і прихильних дітей не знайдете, як у тій Полтаві. Тут бо не то пани, та паненята, а всяка душа письменна і щира з вашим Кобзарем, наче з яким скарбом дорогим носить ся та и хутко вже й книжка ім буде не треба, бо повітвержували вже всі ваші стихи на память“ ¹⁾).

Въ харьковской интеллигенціи всегда шла небольшая струя мѣстной національной жизни; она дала Квитку-Основьяненка и Щоголева, Костомарова и Потебню. Въ этомъ отношеніи значительную оживотворяющую роль всегда имѣлъ Шевченко. Красота формы и гуманность содержанія его „Кобзаря“ служили вездѣ проводниками вліянія славнаго автора. Соотвѣтственно тому и въ Харьковѣ всегда среди интеллигенціи были лица, которыя желали такъ или иначе выразить свою любовь къ великому пѣвцу и защитнику Украины.

Такъ уже при смерти поэтъ получилъ изъ Харькова телеграмму съ поздравленіемъ со днемъ рожденія и ангела, приходившимся въ одинъ день—25 февраля. Выслушавши телеграмму, больной едва промолвилъ „спасибі“, и на другой день рано утромъ, въ половинѣ шестого, скончался ²⁾).

¹⁾ Киев. Стар. 1898 II 238.

²⁾ Конискій, Жизнь Шевченка, 710.

Въ первую же годовщину со дня смерти Т. Г., въ 1862 г., студенты-украинцы харьковского университета приняли такое рѣшеніе: „розуміючи і шануючи свого любого поета, що року святкувати роковщину Тараса, поділяючи це свято з кожним чоловіком“.

Въ первую годовщину пришлось немного отступить отъ 26 февраля; но все-таки вскорѣ, 5-го марта, устроенъ былъ вечеръ въ память Шевченка. Отвѣтственнымъ распорядителемъ и главнымъ устройте-лемъ былъ присяжный повѣренный Жученко. На вечеръ говорили рѣчи профессора Лавровскій, Сокальскій и Зернинъ, П. Пушковъ спѣлъ „Ой у полі криниченка“. Студенческій хоръ исполнилъ нѣсколько №№ хоровыхъ пѣсенъ. Вечеръ далъ 361 руб. Расходу всего было 69 руб. 50 к.; чистую прибыль, около 300 руб., „повернуто на просвиту того народу, з якого вийшов незабутний Кобзарь Т. Шевченко“.

26-е февраля всегда было днемъ поминокъ Шевченка для само-сознающей себя украинской интеллигенціи. Иногда удавалось устроить болѣе или менѣе полно общественный концертъ; но, въ виду обы-чныхъ хлопотъ и въ приложеніи къ Шевченку частыхъ препятствій, приходилось большей частью ограничиваться частными кружковыми собраніями, иногда у члена управы О. А. Павловскаго, иногда у ча-стного повѣреннаго А. Л. Шиманова, иногда у В. И. Касперова; со-бранія эти были небольшія, скромныя, человѣкъ въ 20, безъ рѣчей, безъ литературной или музыкальной обстановки, изъ людей разнаго возраста, разныхъ общественныхъ положеній, безъ достаточнаго взаим-наго знакомства, иногда слишкомъ различныхъ по личному характеру и взглядамъ. Среди малороссовъ, собиравшихся на поминки Шевченка, были иногда люди, по своему міросозерцанію съ Шевченкомъ ничего общаго не имѣвшіе.

Въ интересахъ исторической перспективы, нужно сказать, что мѣстная украинская интеллигенція, въ старое время, лѣтъ 25, 30 назадъ, была вѣской во многихъ своихъ представителяхъ, вѣской по общественному положенію, по значительному матеріальному до-статку,—были люди прямо богатые, по широтѣ взглядовъ и стрем-леній, по общему, въ частности научному образованію; но не было благопріятной почвы для развитія ея дѣятельности, было много инди-видуальной раздробленности и обособленности; поэтому отъ этой дѣятельности не получилось на мѣстѣ крупныхъ результатовъ. Въ частности, Харьковъ оказался слабымъ въ отношеніи научнаго и ху-дожественнаго изученія Шевченка. Ни одного крупнаго изслѣдованія о Шевченкѣ не появилось въ теченіе полулѣтка.

Большая научная величина, профессоръ А. А. Потебня, однажды сдѣлалъ докладъ о Шевченкѣ въ историко-филологическомъ Обществѣ. Докладъ былъ краткій; нигдѣ не напечатанъ, въ отчетахъ не отмѣченъ, сдѣланъ былъ безъ предварительной письменной подготовки, на словахъ, по случаю годовщины кончины поэта. Мысль докладчика, сколько могу припомнить, была та, что Шевченко всегда служилъ спутникомъ освободительнаго движенія, и потому интересъ къ его личности и поэзіи возрастаетъ съ пробужденіемъ въ обществѣ живыхъ стремленій и широкихъ культурныхъ интересовъ.

Изъ Харькова вышло нѣсколько статей о Т. Г. Шевченкѣ,—о главныхъ мотивахъ его поэзіи, статья неполная и устарѣлая, такъ какъ была составлена по неполному и устарѣлому цензурному изданію; статья о рисункахъ Шевченка, статья о стихотвореніи „Солнце заходитъ“, весьма слабая статья о поэмѣ Шевченка „Марія“.

Въ „Южномъ Краѣ“ 1887 г., декабря 15, было напечатано письмо Ш. къ А. Родзянкѣ, хранящееся въ библіотекѣ Харьковскаго университета.

Б. Г. Филоновъ, игравшій одно время роль мѣстнаго мецената, приобрѣлъ приписываемую Шевченку большую картину—икону Христа Спасителя, вообще любилъ этого поэта; но, при украинскихъ симпатіяхъ, онъ не проявилъ никакой инициативы, отказался приобрѣсти предложенную ему коллекцію рисунковъ Шевченка, и къ концу жизни совсѣмъ заглохъ въ отчужденіи отъ всего живого.

Большое значеніе Шевченко всегда имѣлъ въ семьѣ Алчевскихъ. Здѣсь его портрету, его Кобзарю былъ всегда большой почетъ. Семья эта, между прочимъ, приобрѣла отъ художника Беклемишева превосходный бюстъ поэта; въ художественномъ отношеніи бюстъ этотъ можно поставить въ рядъ съ портретами Шевченка кисти Рѣпина и Ярошенка¹⁾. Украинскія симпатіи этой семьи выразились наслѣдственно въ лицѣ поэтессы Х. А. Алчевской и въ лицѣ ея брата И. А. Алчевскаго, извѣстнаго опернаго артиста.

При содѣйствіи Русовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ украинцевъ въ 1892 г. въ Харьковѣ сдѣлана была попытка изданія отдѣльных крупныхъ произведеній Т. Г. Шевченка по дешевой цѣнѣ. Издана была одна изъ лучшихъ его поэмъ „Наймычка“ въ большемъ числѣ экземпляровъ (10 тыс.). Складъ изданія находился при Харьковскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

¹⁾ Снимокъ съ этого бюста въ большемъ видѣ помѣщенъ въ приложеніи къ Южн. Кр. 1911 г. 26 февраля.

Врядъ-ли нынѣ кому въ Харьковѣ извѣстны и памятны имена Дм. Павл. Пильчикова и Мих. Вас. Жученка, а между тѣмъ этимъ двумъ скромнымъ, небогатымъ людямъ изъ мѣстной харьковской интеллигенціи удалось сдѣлать большое, важное культурное дѣло, заложить заграницей ростокъ многовѣтвистаго научнаго учрежденія имени Шевченка.

Д. П. Пильчиковъ (род. въ 1821 г., умеръ въ Харьковѣ въ 1893 г.), личный пріятель Шевченка, участвовалъ въ знаменитомъ по своимъ гуманнымъ началамъ Кіевскомъ Кирилло-Мееодіевскомъ братствѣ, разгромленномъ въ 1847 г. Д. П. Пильчиковъ уцѣлѣлъ. Онъ состоялъ преподавателемъ въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ концѣ жизни проживалъ въ Харьковѣ; въ глубокой старости онъ еще живо интересовался общественными вопросами; полуслѣпой старикъ былъ постояннымъ посѣтителемъ читальни въ новооткрытой общественной бібліотекѣ. Любовь къ знанію, къ наукѣ онъ воспиталъ въ сынѣ своемъ, впослѣдствіи извѣстномъ профессорѣ харьковского технологическаго института. Извѣстный украинскій писатель, авторъ лучшей біографіи Шевченка, Конискій на основаніи личнаго близкаго знакомства съ Д. П. Пильчиковымъ далъ слѣдующую характеристику его личности и совершеннаго имъ во славу Шевченка подвига: „Людина жива, чутка до всего доброго, вільного, прекрасного, людина жвава, перенятлива, з душою поетичною, зъ глибокими українськими переконаннями, з широкими політичними поглядами і здоровенною історичною ерудицією... Коло ёго гуртовались як безусі молодята, так і люде дорослі. Живучи якомсь то въ Одессі він умовив Елену Ивановну Милародович дати гроши на національну справу (8 тыс. руб.) і сам відвиз їх въ Галичину, яко фонд на організацію Товариства имени Шевченка. Таким чиномъ дійсним осадчим Товариства був Д. П. Пильчиков“ ¹⁾.

Другимъ или точнѣе третьимъ основателемъ Львовскаго Товариства имени Шевченка, послѣ Милародовичъ и Пильчикова, былъ харьковскій присяжный повѣренный М. В. Жученко, умершій въ 1880 г. въ Парижѣ въ молодыхъ лѣтахъ, на 40 году жизни. Уроженецъ Екатеринославской губ., онъ учился въ Полтавской гимназії, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ (1859—1863), повидимому, былъ челоуѣкъ выдающійся, такъ какъ въ молодыхъ годахъ состоялъ предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ жизни мѣстной украинской интеллигенціи и собиралъ средства для учрежденія Общества имени Шевченка ²⁾.

¹⁾ „Зоря“, 1894, № 4. Портретъ П. въ книгѣ Конискаго о Шевченкѣ.

²⁾ Портретъ Жученка въ „Зорі“ 1894, № 6.

Долгое время Львовское Общество Шевченка жило вяло; дѣятельность его ограничивалась изданіемъ небольшого еженедѣльнаго журнальчика. Въ началѣ 90-хъ годовъ оно реорганизовалось въ Научное Общество; во главѣ его сталъ энергичный ученикъ проф. В. Б. Антоновича проф. М. С. Грушевскій, въ 1892 г. вышелъ первый томъ „Записокъ“, число которыхъ къ концу прошлаго года выросло до крупной цифры въ 98 томовъ. Одновременно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій изданы десятки томовъ въ высшей степени цѣнныхъ сборниковъ этнографическихъ матеріаловъ, сказокъ, пѣсень, легендъ, пословицъ, собранныхъ въ Украинѣ и въ Галичинѣ, десятки томовъ сборниковъ важныхъ матеріаловъ по украинской исторіи и исторіи литературы; Общество даетъ подробные отчеты—хронику, собрало большую бібліотеку, значительное собраніе рукописей, субсидируетъ молодыхъ ученыхъ, устраиваетъ ученыя экскурсіи. Благодаря крупному частному пожертвованію въ 40 тыс. руб., Общество обзавелось собственнымъ помѣщеніемъ. Благодаря своей широкой научной дѣятельности, оно стало пользоваться правительственной субсидіей, которая съ 400 руб. выросла въ послѣднее время до 10 тыс.

Львовское Науково Товариство имѣетъ вполне академическій характеръ, и недавно въ вѣнскомъ парламентѣ шла рѣчь о преобразованіи его въ Академію наукъ. Въ изданіяхъ Общества принимаютъ участіе нѣкоторые выдающіеся русскіе ученые, напр., Ф. Е. Коршъ. Общество имѣетъ широкія научныя связи. Свыше 200 научныхъ Обществъ и учреждений состоятъ въ общеніи съ Науковымъ Товариствомъ Шевченка, обмѣниваются съ нимъ изданіями.

Выдающійся современный русскій ученый, академикъ А. А. Шахматовъ, въ 1909 году писалъ: „Дѣятельность Н. Т. ім. Шевченка на попросѣ науки дѣлаетъ честь всему русскому племени и во мнѣ, великоруссѣ по рожденію, заслуги Общества, его многочисленные труды и изданія вызываютъ благоговѣйную признательность... Мое русское сердце бьется съ гордостью при мысли о томъ, какое великое научное дѣло совершено при скудныхъ средствахъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ нашими братьями въ зарубежномъ Львовѣ. Я часто говорю, что дѣятельности Н. Т. ім. Шевченка можетъ позавидовать любая академія“. Въ устахъ первокласснаго ученаго, предсѣдателя славяно-русскаго отдѣленія Академіи наукъ, слова эти получаютъ большой вѣсъ, и, если его русское сердце гордится этимъ успѣхомъ славянской науки, то тѣмъ болѣе должно гордиться сердце русско-украинское при видѣ блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ львовскимъ научнымъ Обществомъ имени Шевченка, сердце тѣхъ

людей, которые, всецѣло причисляя себя къ русскому народу, какъ великой отрасли славянскаго племени, посвящаютъ свои труды и заботы, главнымъ образомъ, своему ближайшему отечеству, родному краю, въ широкихъ географическихъ и этнографическихъ предѣлахъ Руси-Украины.

Львовское Науково Товариство—памятникъ Шевченку, большой. памятникъ, огромнаго нравственнаго значенія. Это уже многовѣтвистое и долговѣчное древо жизни, любви, творчества, мысли и слова. Тѣмъ болѣе резонно тутъ вспомнить, что первый ростокъ этого жизненнаго народнаго древа взрошенъ въ Харьковѣ руками скромныхъ, маленькихъ людей, главнымъ образомъ, руками стараго педагога, сохранившаго въ своей груди молодое сердце,—сердце согрѣтое лучами любви кирилло-меѳодіевскаго всеславянскаго братства.

Въ день пятидесятилѣтія со дня кончины поэта въ харьковскихъ газетахъ „Южн. Краѣ“ и „Утро“ помѣщены были пространныя статьи о немъ, съ рисунками, изъ которыхъ два рисунка, съ любезнаго согласія редакцій, воспроизведены въ настоящемъ изданіи, съ сохраненіемъ на одномъ изъ нихъ комментарія на малорусскомъ языкѣ.

Харьковская городская дума въ засѣданіи 4 марта 1911 г., выслушавъ докладъ гласнаго Н. Ф. Сумцова, замѣчанія гласныхъ В. Н. Галицкаго, А. Ю. Вегнера, И. К. Гришенка, Н. Н. Салтыкова, постановила единогласно: 1) ассигновать 150 руб. изъ средствъ городского музея на приобрѣтеніе музейной комиссіей портрета Т. Г. Шевченка; 2) назвать именемъ Т. Г. Шевченка новую улицу, на которой имѣетъ быть воздвигнуто зданіе городской глазной больницы имени проф. Л. Л. Гиршмана; 3) присвоить 11-му городскому училищу наименованіе имени Т. Г. Шевченка; 4) вносить ежегодно сто рублей въ городскія смѣты, начиная со смѣты 1911 г., для выдачи харьковскому историко-филологическому обществу преміи за лучшія сочиненія студентовъ по украинской исторіи, исторіи украинской литературы и этнографіи Украины. Объявить подписку для образованія фонда для указанной цѣли. Порядокъ и условія соисканія премій предоставить харьковскому историко-филологическому обществу; 5) пожертвовать единовременно 300 р. харьковской общественной бібліотекѣ на украинскій отдѣлъ ея съ тѣмъ, чтобы отдѣлу этому было присвоено имя поэта: „Украинскій отдѣлъ имени Тараса Шевченка“ и ежегодно вносить на этотъ отдѣлъ по 50 руб.; 6) воздвигнуть въ Харьковѣobelisk-колонну съ рельефомъ Т. Г. Шевченка и облицовкой въ украинскомъ стилѣ, съ этой цѣлью ассигновывать по 1000 р. ежегодно съ 1912 по 1914 г., т. е. столѣтія со дня рожденія поэта, а также возстановить

для этой цѣли кредитъ на сумму пожертвованій мѣстныхъ жителей для украшенія Мироносицкаго сквера. Учредить одну стипендію имени Т. Г. Ш. во 2 реальномъ училищѣ.

Изъ этихъ постановленій часть уже осуществлена. Въ Городскомъ Музеѣ уже помѣщенъ портретъ поэта работы художника С. И. Васильковского; для памятника намѣчены подходящія мѣста.

26 мая предсѣдатель историко-филологическаго общества былъ увѣдомленъ городскимъ головой, что г. Губернаторъ не встрѣчаетъ препятствій къ подпискѣ, пожертвованія которой имѣютъ поступить въ Харьковское историко-филологическое общество для выдачи студентамъ премій за лучшія сочиненія ихъ по украинской исторіи, исторіи украинской литературы и этнографіи, при условіи, что подписка эта не выйдетъ за предѣлы г. Харькова.

Н. Ф. Сумцовъ.

Послѣднее стихотвореніе Т. Г. Шевченка.

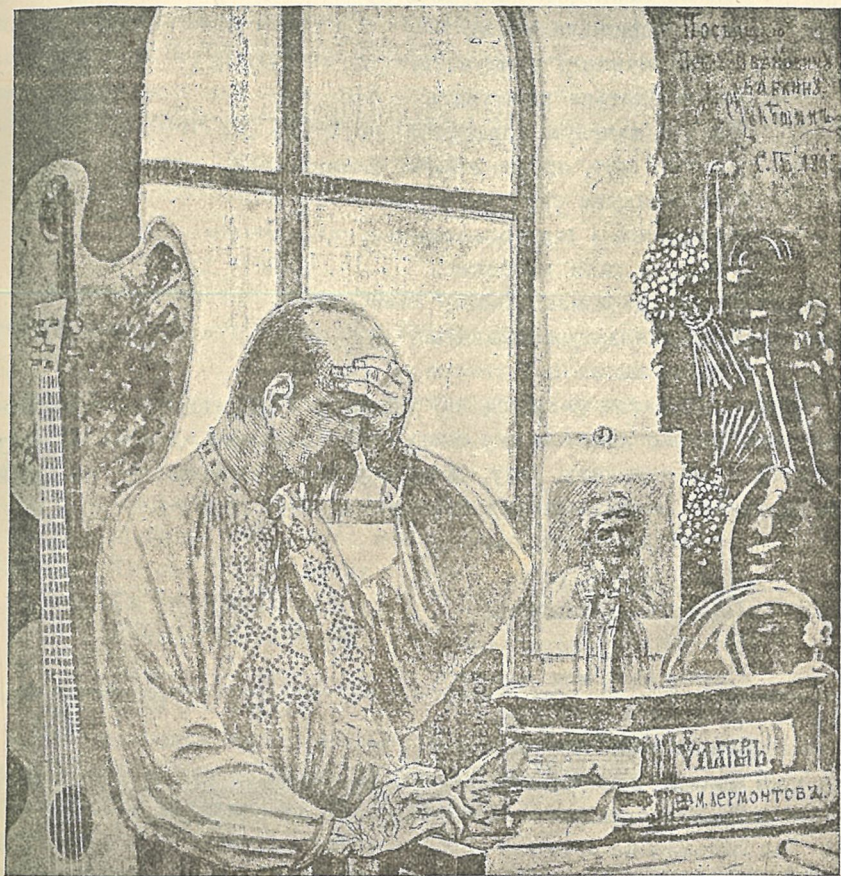

В послѣднемъ стихотвореніи Т. Г. Шевченка „Чи не покинуть намъ небога“, написанномъ, точнѣе набросанномъ на бумагу за нѣсколько дней до кончины, вылилось тревожное состояніе духа, сознаніе близкой кончины, жажда жизни и, какъ заключительный аккордъ, нѣжное обращеніе къ горячо любимой родинѣ. Это удивительно чистое, искреннее изліяніе нѣжной, страдающей души, и развѣ одна только музыка въ рукахъ талантливаго композитора могла бы передать всѣ тонкіе переливы проявленныхъ въ этомъ стихотвореніи чувствъ.

Поэту было всего 47 лѣтъ; онъ только что прошелъ тяжкій путь десятилѣтней ссылки. Впереди ему грезилась далекая, любимая имъ родина, тихое семейное счастье на берегу живописнаго Днѣпра, въ крошечномъ собственномъ домикѣ; грезилось все это въ холодные, сумрачные дни февраля, въ холодномъ, сумрачномъ Петербургѣ, въ грустной, сумрачной комнатѣ, которую онъ занималъ въ зданіи Академіи художествъ; грезилось въ то время, когда смерть стояла за плечами, и поэтъ чуялъ уже ея холодное дыханіе. Жившій въ томъ же зданіи этажемъ выше художникъ Микѣшинъ изобразилъ Шевченка на рисункѣ въ такой тяжелый моментъ: поэтъ сжимаетъ голову руками, въ состояніи безысходной грусти отъ налегшихъ на сердце тяжкихъ думъ.

Недоборовскій, присутствовавшій при описи имущества Т. Г. послѣ его смерти, сообщаетъ, что квартира Т. Г. состояла изъ одной довольно обширной, длинной, подъ сводами комнаты въ зданіи Академіи художествъ; всѣ стѣны были исписаны карандашомъ. Въ комнатѣ царилъ беспорядокъ; бумаги лежали на полу разбросанныя. Недоборовскій и Честаховскій посписывали со стѣнъ, что нашли нужнымъ, и приняли участіе въ составленіи описи имущества ¹⁾.

¹⁾ Киев. Стар. 1893 II, 192.

Тарас Григорьевич Шевченко стоїть в своїй академічній свитлиці в великій задумі. Таким сумним его не раз бачив славнозвісний художник Микешин, котрій мешкав в одному з ним будинку. По пам'яті він зробив цей малюнок. На столі лежать ті книжки, котрі подобав Т. Г.: Псалтирь—в кінці життя він сам перекладав псалми на українську мову,—далі бачимо твори Лермонтова, Мицкевича, на стінці повішані музичні струменти, квітки, портрет дівчини Лукер'я, в котру Т. Г. було закохався. Таким був Т. Г. в останні два роки життя.

Поетъ въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи обращается къ своей злополучной долѣ со словами:

Чи не покинуть нам, небого,
Моя сусідонько убога,
Вірші нікчемні віршувать,
Та заходиться рештувать
Вози в далеку дорогу?
На той світ, друже мій, до Бога,
Почимчикуем спочивать...
Втомились і підтоптались,
І розуму таки набрались,
То і буде з нас! Ходімо спать,
Ходімо в хату спочивать...
Весела хата, щоб ти знала!

Поетъ готовится умереть; но жизнь его манить; онъ такъ молодъ; такъ сильно хочеться ему жити, такъ страшно йти на 47 году въ эту вѣчну, холодную хату. И потому поетъ обращается къ своей долѣ съ такими молитвенными словами:

Ой не йдімо, не ходімо,—
Рано, друже, рано!
Походимо, посидимо,
На сей світ поглянем.
Поглянемо, моя доле!
Бач, який широкий,
І широкий та веселий,
Ясний та глибокий!
Походимо ж, моя зоре!
Зійдемо на гору,
Спочинемо... А тим часом
Твої сестрі—зорі,
Безвічні, по-під небом
Попливуть, засяють...
Підождемо ж, моя сестро,
Дружино святая,
Та нескверними устами
Помолимось Богу,
Та й рушемо тихесенько
В далеку дорогу
Над Летою бездонною
Та каламутною

Благослови мене, друже,
Славою святою!

Другой стиль, другая форма, другое настроєніе; но не надолго; тяжкій недугъ напoминаєть о близкой роковой развязкѣ, и поэтъ ищетъ выхода во врачебной наукѣ; на минуту его осыняетъ свѣтлый лучъ надежды:

А поки те, да се, да оне,
Ходімо просто—напростоць
До Ескулапа на ралець,
Чи не одурить він Харона
І Парку прялку?...

Грустная иронія!... не удається врачебной наукѣ устранить близкую кончину. Поэтъ идетъ къ врачу, готовый заплатить ему гоно-
рарь („на ралець“); въ надеждѣ на излѣченіе онъ рисуєть на легкомъ ироническомъ фонѣ ближайшія литературныя послѣдствія.

. І тоді
Поки-б химерив мудрий дід,
Творили б, лежа епопею—
Парили б скрізь по над землею,
Та все б гекзаметри плели
Та на горіще однесли
Мишам на снідіння... А потім
Слівали б прозу... та по нотах,
А не як небудь...

т. е., при здоров'ї писаль-бы онъ и стихи, навѣрно, українскіє, и прозу, вѣроятно, на русскомъ языкѣ; въ такомъ направленіи шли его литературныя интересы въ концѣ жизни... Сознаніе близкой кончины беретъ верхъ, и поэтъ снова собирается на тотъ свѣтъ; въ его воображеніи вырастаєть такая картина, что онъ надъ загробной рѣчкой Стиксомъ будетъ, какъ въ раю, „неначе над Дніпромъ широкимъ“

В гаю, предвічному гаю,
Поставлю хаточку, садочок
Кругом хатини насажу,
Дніпро, Україну згадаєм,
Веселі селища в гаях,
Могили гори на степах
І веселенко заспіваєм...

Это были послѣднія строки поэта; въ нихъ онъ вылилъ то, что было основнымъ религіознымъ чувствомъ его души, горячую любовь къ родному краю.

Замѣчательное совпаденіе—первое, самое раннее произведеніе „Причина“ 1838 г. начинается съ Днѣпра, съ извѣстной чудной по красотѣ картины—„Рече та стогне Днѣпр широкий“, и послѣднее его стихотвореніе 1861 г. кончается на томъ-же Днѣпрѣ, въ тихомъ гаю вѣчнаго успокоенія.

Первый Днѣпръ—символь бурной жизни поэта, тѣхъ грозъ, лишений и страданій, которыя ему суждено было вынести въ жизни. Послѣдній Днѣпръ—символь тихаго успокоенія въ родной землѣ, на берегу рѣки Славуты, какъ называется Днѣпръ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ старинныхъ малорусскихъ пѣсняхъ-думахъ.

Мысль о родинѣ, далекой, любимой родинѣ занимала поэта и въ послѣдніе дни его жизни. Его тянуло въ Украину. Екатерина Юнге въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Какъ часто говорилъ онъ мнѣ о своей милой родинѣ, говорилъ такъ много, такъ хорошо! Онъ описывалъ степи съ ихъ одинокими курганами, и хуторки, утопающіе въ черешневыхъ садахъ, и старыя вербы, склоняющіяся надъ тихимъ Днѣпромъ, и легкія душегубки, скользящія по его поверхности, и крутые берега Кіева, съ его златоглавыми монастырями: „вотъ гдѣ-бы намъ пожить съ вами, вотъ бы гдѣ умереть! И, слушая восторженную, поэтическую рѣчь, добавляетъ эта чуткая женщина, я полюбила незнакомый мнѣ край“.

Жизнь и поэзія у Т. Г. переплетены самымъ тѣснымъ образомъ, какъ доказываетъ весь его Кобзарь, его Дневникъ, многочисленные мемуары его друзей и знакомыхъ, какъ ярко доказываетъ послѣднее предсмертное его стихотвореніе. Съ своимъ единственнымъ вѣрнымъ другомъ—Музой онъ никогда не хитрилъ и на тотъ свѣтъ ушелъ съ кристально чистой душой.

Н. Ф. Сумцовъ.

Дубы Т. Г. Шевченка.

ВЕЛИКІЕ художники и поэты чутки къ красотамъ природы. И поэзія Шевченка наповнена тонкими, изящными обрисовками внѣшней природы: місяц білолиций, море безкрає, вітер сердитий, лози шепчуть, гай темний, хмара поли розстилає, и т. д.,—множество своеобразныхъ художественныхъ образовъ.

Екатерина Юнге, урожденная графиня Толстая, дочь президента академіи художествъ графа Ф. П. Толстого, въ своихъ чрезвычайно тепло и умно написанныхъ воспоминаніяхъ, говорить, что никто не былъ такъ чутокъ къ красотамъ природы, какъ Шевченко. Иногда онъ къ намъ неожиданно являлся послѣ обѣда. „Серденько мое, берите карандашъ, та идемъ скорѣй“, говорить онъ мнѣ дѣвочкѣ-под-

ростку. „Куда это?“, спрашивали Т. Г. „Да я тутъ дерево открылъ, да еще какое дерево!“ — „Господи, гдѣ это такое чудо?“ — „Недалеко, на Среднемъ Проспектѣ. Да ну, идемъ же“. И дѣти шли съ нимъ, зарисовывали дерево, а тамъ проходили и на набережную, любовались закатомъ солнца, переливомъ тоновъ, и я не знаю, говоритъ Юнге, кто больше восторгался, мы—дѣти или онъ, сохранившій въ своей многостральной душѣ столько дѣтски свѣжаго¹⁾. Это происходило въ 1859 г., въ послѣдніе годы его жизни, послѣ тяжелой многолѣтней ссылки.

Съ именемъ Шевченка связанъ единственный садикъ въ фортѣ Александровскомъ, въ мѣстѣ ссылки поэта въ 1852 г., когда фортъ этотъ назывался Ново-Петровскимъ. „Мертвая, унылая и безотрадная природа! писалъ о немъ одинъ путешественникъ 40 лѣтъ послѣ смерти поэта. Постоянный вѣтеръ да грозный гулъ морского прибоя (фортъ у Каспійскаго моря) только и говорятъ о жизни природы... Единственнымъ пріютомъ отдохновенія служить садъ. Въ саду землянка; возлѣ нея двѣ толстыя старыя вербы, по преданію, посаженныя Шевченкомъ. Садъ—единственный уголокъ среди мертвой степи“.

Садъ насаженъ, какъ говорятъ, по инициативѣ самого Шевченка. Онъ самъ, съ одобренія своего начальства, выбралъ мѣсто для сада, сдѣлалъ планъ, разбилъ дорожки,—все въ 1853 г. Солдаты охотно ему помогали.

Въ томъ же фортѣ, на солдатскомъ огородѣ, росла одиночная верба. Когда въ 1850 г. по этапу вели Шевченка черезъ Гурьевъ, онъ поднималъ на улицѣ вербовый колъ и, прибывъ въ Ново-Петровское, воткнулъ его на огородѣ; черезъ 3 года онъ уже сидѣлъ въ тѣни этой вербы²⁾. Т. Г. въ своемъ дневникѣ часто вспоминаетъ про эту вербу, напр., въ 1857 г. „сiju или лежу молча по цѣлымъ часамъ подъ моею любимую вербою“³⁾.

Въ 1859 г. Ш. поѣхалъ въ гости къ одному своему пріятелю въ с. Качановку, Борзенск. у., Черниг. губ. Онъ засталъ сына хозяина, студента, пошелъ съ нимъ гулять на живописный пригорокъ. Въ одномъ мѣстѣ сынъ владѣльца попросилъ Т. Г. посадить на память молодой дубокъ (дерево было выкопано съ землей—дѣло было въ августѣ). Шевченко съ радостью исполнилъ это пожеланіе и, посадивъ дубокъ, сказалъ: „Дай, Боже, щобъ намъ довелось коли небудь сидить въ холодку его гилля“⁴⁾.

Приложенный въ началѣ статьи видъ роскошнаго дуба представляетъ фотографію съ дуба въ Звенигородкѣ въ усадьбѣ свящ. Ольшевскаго. Подъ этимъ дубомъ, по мѣстной традиціи, Т. Г. любилъ сиживать. Д. Н.

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1883 VIII 839.

²⁾ „Кіев. Стар.“ 1909 II *І. Конискій*, Жизнь Шевченка 393.

³⁾ *Шевченко*, Твори, в изд. Яковенко 1911, II, 153.

⁴⁾ „Кіев. Стар.“ 1807 II 34.

Сумцовъ, доставившій этотъ списокъ, пишетъ: „Дубъ широкий и раскидистый, крѣпкій и могучій, кругомъ все глухо, дико, запущено и безлюдно. Точно какъ тотъ народъ, поэтъ котораго творилъ подъ этимъ дубомъ, хотя и заросъ бурьяномъ и плевеломъ, некультурень и невѣжественъ, но силенъ внутренними соками и ничто не сломить его“.

Слѣдующій снимокъ даетъ видъ того роскошнаго дуба въ Качановкѣ, подъ которымъ Т. Г. любилъ сидѣть въ 1859 г., когда гостилъ въ этомъ живописномъ уголкѣ Украины. Снимокъ этотъ любезно былъ мнѣ подаренъ Кречмеромъ. У подножія дуба два испы-

танныхъ и заслуженныхъ друга Т. Г. Шевченка—художникъ Г. Н. Честаховскій, тотъ Честаховскій, который провожалъ прахъ Т. Ш. и выбралъ мѣсто для его могилы у Канева¹⁾, и старикъ Кречмеръ, много похлопотавшій для лѣченія и матеріальной помощи многочисленнымъ слѣпцамъ роднымъ Шевченка.

Какъ художникъ, Шевченко любитъ растительный міръ, и далъ ему много мѣста въ своихъ офортахъ. Хороши дубы надъ Днѣпромъ, на кладбищѣ, у моста, Лѣсъ (съ карт. Лебедева), дерево и двѣ дѣвицы²⁾.

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1895. II. 142 и 1898. II. 167.

²⁾ Шевченко, Малюнки, 1911 р. №№ 7, 8, 15, 16, 22, 25.

Въ стихотвореніяхъ Шевченка, на всемъ протяженіи его поэтического творчества, встрѣчаются меморіальныя посадки деревьевъ въ память лица или событія. Уже въ первомъ, самомъ раннемъ стихотвореніи (1838 г.) въ „Причинна“ надъ умершими садятъ явіръ, ялину, червону калину. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1847 г., въ „Москалева криница“ надъ колодцемъ, выкопаннымъ старымъ солдатомъ, посадили дубъ, „на прикмету проізжающимъ“ и на память о старинѣ:

І дуб зеленіе,

І досі там воду святятъ

Хто йде, іде—не минають...

Въ концѣ жизни, въ „Подражаніи Едуарду Сові“, въ 1859 г., поэтъ мечталъ, что онъ посадить дерево на радость и воспоминаніе для своей будущей милой жены.... Т. Г. въ самое это время мечталъ устроить себѣ семейный очагъ.

Посажу коло хатини,

На спомін дружині,

І яблоньку, і грушеньку,

На спомин єдиний!..

Какъ извѣстно, Т. Г. по части сватовства былъ неудачливъ, быстро увлекался, быстро дѣлалъ предложенія, и, къ его огорченію, столь же быстро терпѣлъ крушеніе.

Такимъ образомъ, и жизнь, и поэзія Шевченка раскрываютъ его любовь къ растительному міру, его стремленіе дать растенію жизнь вездѣ, даже въ пустынѣ, среди азіатскихъ сыпучихъ песковъ. И потому желательно, чтобы и растительный міръ принялъ участіе въ чествованіи памяти поэта-гуманиста, какъ въ текущемъ 1911 году, по поводу пятидесятилѣтія со времени его кончины, такъ и черезъ три года, въ 1914 по поводу столѣтія со дня его рожденія. Пусть вся Украина и Галичина, и далекая Сибирь, гдѣ много малорусскихъ поселеній, и еще болѣе далекая Америка, гдѣ также звучитъ мѣстами украинская рѣчь, вездѣ, гдѣ есть національное самосознаніе и благодарная память о поэтѣ-гуманистѣ,—покроются дубами зелеными, тонкими тополями, яворами, вербами, яблонями, въ одиночку и группами, рощами и садами, съ присвоеніемъ имъ имени славнаго поэта, отзывчивое сердце котораго было открыто для всѣхъ красотъ и утѣшеній тихаго, чистаго растительнаго міра; и въ этомъ ласковомъ мірѣ оно, это чуткое, доброе сердце, находило по временамъ утѣшеніе и смягченіе боли отъ ранъ, нанесенныхъ жестокостью человѣка и несправедливостью исторіи.

Н. Ф. Сумцовъ.

Костомаровскіе дни въ г. Воронежѣ.

(27—29 марта 1911 года).

I.

7 апрѣля 1885 года умеръ знаменитый историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Похороны его въ Петербургѣ отличались необычайною торжественностью и, по словамъ очевидцевъ, напомнили похороны Тургенева. Это объясняется тою популярностью, которою пользовался Н. И. не только въ научныхъ, но и широкихъ общественныхъ кругахъ, благодаря интересу затронутыхъ имъ вопросовъ, художественности ихъ изложенія, перипетіямъ его судьбы и блестящей профессорской, преподавательской дѣятельности въ двухъ университетахъ—Кіевскомъ и Петербургскомъ; въ послѣднемъ онъ былъ кумиромъ учащейся молодежи, оцѣнившей его выдающійся лекторскій талантъ и научныя заслуги. Извѣстно, что послѣ закрытія Петербургскаго университета въ 62-мъ году Н. И. Костомаровъ желалъ организовать свободное преподаваніе наукъ внѣ университета и этимъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе молодежи, стремившейся путемъ полного прекращенія лекцій достигъ возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ. Костомаровъ послѣ этого ушелъ отъ преподаванія, хотя этотъ уходъ доставлялъ ему не мало страданій, и въ моемъ распоряженіи имѣются его письма, свидѣтельствующія о томъ, что онъ готовъ былъ снова вернуться къ оставленной имъ профессурѣ. Но еще больше, конечно, пострадалъ отъ этого Петербургскій университетъ, лишившійся въ лицѣ его одного изъ наиболѣе выдающихся своихъ преподавателей. Болѣе 20 лѣтъ послѣ этого, до самой смерти Н. И. велъ жизнь кабинетнаго ученаго, будучи лишенъ общенія съ аудиторіей, общенія, которое даетъ научному дѣятелю огромное нравственное удовлетвореніе—и тѣмъ не менѣе, несмотря на временное охлажденіе къ своему „учителю“, учащаяся молодежь на похоронахъ его соединилась съ прежними поколѣніями слушателей Николая Ивановича въ одномъ общемъ чувствѣ глубочайшаго къ нему уваженія;

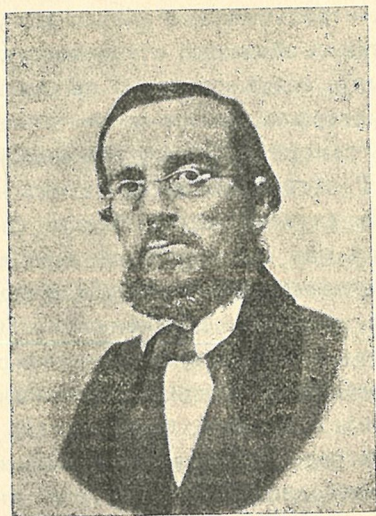
массы ея провожали почившаго на Волково кладбище къ знаменитымъ литераторскимъ мосткамъ и разобрали на память себѣ всѣ живые цвѣты изъ множества вѣнковъ, присланныхъ на гробъ „старого профессора“....

II.

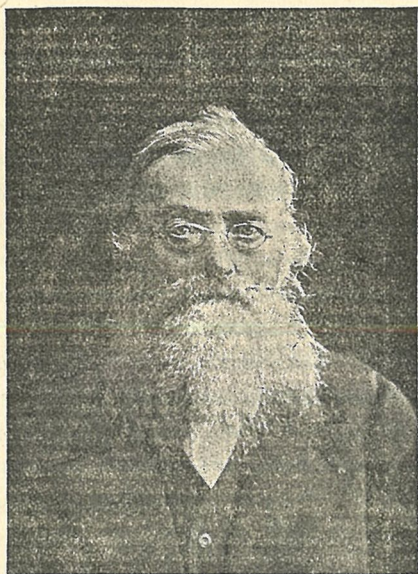
Много тогда высказано было задушевныхъ пожеланій относительно увѣковѣченія памяти знаменитаго историка. Но прошло 25 лѣтъ со дня его смерти, а осуществилось очень немногое. Здѣсь, очевидно проявилась наша національная особенность: мы скоро и сильно возбуждаемся и такъ же быстро остываемъ. Говорилось о стипендіяхъ и другихъ способахъ увѣковѣченія памяти Н. И. Костомарова со стороны общества. А вышло такъ, что пришлось воспользоваться для этого исключительно тѣми средствами, которыя выручены были отъ „литературнаго наслѣдія“ самого Н. И. Костомарова. Онъ завѣщалъ право на изданіе всѣхъ своихъ сочиненій общественному учрежденію „Литературному фонду“—и теперь на вырученныя отъ изданія его монографій средства будутъ учреждены стипендіи его имени, въ томъ числѣ и въ Харьковскомъ университетѣ. Кіевскому университету онъ завѣщалъ свою богатую бібліотеку. Такъ тѣсно связана теперь будетъ память о Н. И. Костомаровѣ съ учащейся молодежью, которой онъ посвятилъ лучшіе дни своей жизни, расцвѣта своего таланта и славы. 25-лѣтіе дня смерти Н. И. ознаменовалось изданіемъ въ свѣтъ двухъ новыхъ главъ его автобіографіи и мемуаровъ его супруги Алины Леонтьевны, заключающихъ не мало цѣнныхъ матеріаловъ и для біографіи Николая Ивановича. Наконецъ, по поводу 25-лѣтія устроена была и та выставка имени Н. И. Костомарова въ г. Воронежѣ, которая вызвала тамъ „Костомаровскіе дни“ и не можетъ быть обойдена молчаніемъ и въ Харьковѣ, тѣмъ болѣе, что съ послѣднимъ Н. И. Костомаровъ также тѣсно связанъ своимъ пребываніемъ въ университетѣ и защитой магистерской диссертациі.

III.

Счастливая мысль объ устройствѣ меморіальной выставки имени Н. И. Костомарова въ Воронежѣ принадлежитъ тамошней ученой архивной комиссіи, которая рѣшила такимъ образомъ почтить память знаменитаго уроженца Воронежской губерніи. Извѣстно, что Н. И. родился въ с. Юрасовкѣ, Острогожскаго уѣзда, и воспитывался въ Воронежской гимназіи. Много трудовъ и энергіи пришлось затратить дѣтелямъ комиссіи для осуществленія задуманнаго предпріятія. Много

Н. И. Костомаровъ въ молодые годы.

Н. И. Костомаровъ въ преклонномъ возрастѣ.

цінних матеріалів вони нашли в місних архівах; отозвалися на їх призыв і центральні хранилища. Но успіхом своїм виставка обязана, головним образом, отзывчивости В. Г. Котельникова, бережно, какъ святыню, сохранившего и приумножившего тѣ обильные меморіальніе матеріали, которые достались ему в силу родственныхъ связей съ семьей покойнаго Николая Ивановича. Все хранившееся у него В. Г. Котельниковъ доставилъ на выставку, и можно сказать, что виставка ему, гл. обр., обязана своимъ богатствомъ и значеніемъ. Открылась она в обширномъ залѣ дворянскаго собранія 27-го марта, причемъ молебствіе совершалъ инициаторъ ея, дѣлопроизводитель архивной комиссіи, священникъ о. Ст. Звѣревъ, слова котораго в сказанномъ имъ поученіи отличались особою искренностью и задушевностью. Погода не благопріятствовала посѣщенію выставки— всѣ три дня шелъ снѣгъ и дождь, было холодно и какъ-то неуютно, чувствовалось, что мѣстное общество отнеслось къ выставкѣ равнодушно. Въ чемъ заключалась причина этого, мнѣ, какъ пріѣзжему, было рѣшить трудно; но во всякомъ случаѣ причина лежала не в самой выставкѣ, которая была довольно интересна, а скорѣе всего в предубѣжденіи противъ нея публики, которую, очевидно, не привлекло нѣкогда столь популярное имя Костомарова. Виставка в память другого Воронежскаго уроженца—народнаго поэта Кольцова прошла съ несравненно большимъ успіхомъ. Оказало свое вліяніе, нужно думать, и то, что Костомаровъ все же былъ только ученый и при томъ не имѣвшій связей съ мѣстною средою. Одна изъ Воронежскихъ газетъ отзывается о Костомаровской выставкѣ такъ: „она некрасочна эта виставка, и нужно къ ней ближе присмотрѣться, чтобы оцѣнить ея богатство; но такъ-же некрасочна была и жизнь Костомарова, какъ и всякаго историка, живущаго в кельѣ и вдали отъ кипѣнія жизни, возсоздающаго по крупицамъ прошлое родной страны.... Только три раза имя Костомарова гремѣло и выступало среди будничной жизни... Но если не богата красками жизнь ученаго, то она богата внутреннимъ содержаніемъ. Такова была жизнь Костомарова, и такой же характеръ носить виставка, посвященная ему“. Этотъ отзывъ интересенъ для насъ не столько по существу (противъ него можно и спорить), сколько потому, что объясняетъ отмѣченное нами выше равнодушіе къ выставкѣ мѣстныхъ широкихъ круговъ.

IV.

Остановимся теперь на характеристикѣ важнѣйшихъ отдѣловъ выставки. Портреты Н. И. Костомарова: ихъ собрано 44. Здѣсь мы

находимъ и фотографіи, и цинкографіи, и литографіи, и гравюры, и ксилографіи, и фототипіи, и геліогравюры. Онѣ относятся къ разнымъ періодамъ его жизни, начиная съ Кіевскаго (1845 года)—это карточка времени учительства его въ Кіевѣ, присланная его благодарной ученицей. Трогательной реликвіей является фотографическая карточка въ дубовой рамочкѣ подъ стекломъ. Портретъ наклеенъ на черный бархатъ и украшенъ имморталями изъ вѣнка, который былъ возложенъ на гробъ Н. И. студентами Петербургскаго университета. Все это было слѣлано однимъ изъ студентовъ, присутствовавшихъ на похоронахъ въ 1885 году. Далѣе, идутъ: бюстъ Н. И. работы Лаверецкаго (собственность Воронежской публичной бібліотеки), витрина его имени, сооруженная для Воронежской публичной бібліотеки Г. С. Вашкевичемъ, виды его погребенія и надгробнаго памятника. Среди портретовъ родныхъ Н. И. Костомарова обращаютъ на себя вниманіе снимки съ портрета матери Н. И. (портретъ работы худ. Ге находится въ Кіевскомъ музеѣ) и фотографіи его жены Алины Леонтьевны. Очень богатъ отдѣлъ портретовъ друзей и современниковъ Н. И. (ихъ около 150). Здѣсь мы находимъ и Воронежцевъ, и Харьковцевъ, и Кіевлянъ, и Петербуржцевъ. Особенно интересна украинская коллекція портретовъ земляковъ Костомарова: здѣсь и П. А. Кулишъ, и Бѣлозерская, сотрудница Н. И., и редакторъ „Основы“ Бѣлозерскій, и Гатцукъ, и Гулакъ (соузникъ по Шлиссельбургу), и знатокъ малорусской старины В. П. Горленко, и секретарь „Основы“ Каменецкій, и извѣстный писатель Г. О. Квитка, и издатель Харьковскаго сборника „Сніп“—Корсунъ, и извѣстный южно-русскій историкъ проф. В. Б. Антоновичъ, и малорусскій писатель Кухаренко, и извѣстный историкъ Малороссіи А. М. Лазаревскій (карточка юношескаго возраста, гдѣ онъ снятъ въ полномъ малороссійскомъ казацкомъ костюмѣ), и М. М. Лазаревскій, душеприказчикъ Т. Г. Шевченка, и малорусскій композиторъ Н. В. Лысенко, и малорусскій историкъ Максимовичъ, и писатель, другъ Н. И.—Д. Л. Мордовцевъ, и товарищъ Н. И. по Харьковскому университету, оставившій свои воспоминанія о немъ Ф. К. Неслуховскій, и переводчикъ священнаго писанія на малорусскій языкъ, духовникъ Н. И., свящ. Ст. Опатовичъ, и акад. Никитенко, и И. И. Срезневскій, и основатель знаменитаго малороссійскаго музея В. В. Тарновскій, и извѣстный малорусскій энтографъ П. П. Чубинскій, и Харьковскій малорусскій поэтъ Я. И. Щеголевъ, и, наконецъ, товарищъ Н. И. по извѣстному Кирилло-Мееодіевскому братству великій поэтъ Украины Т. Г. Шевченко. Это цѣлая галлерія украинскихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, изъ коихъ нѣкоторые

были „властителями думъ“ своего поколѣнія, да и другіе во всякомъ случаѣ оставили яркій, замѣтный слѣдъ въ исторіи малорусскаго литературнаго общественнаго развитія и самосознанія. Затѣмъ слѣдуютъ виды мѣстностей, гдѣ жилъ и съ коими сроднился Н. И. Костомаровъ—сл. Юрасовки, (гдѣ онъ родился), Острогожска, Воронежа, Харькова (современнаго), Кіева, Саратова, Петербурга, Новгорода (который онъ описывалъ; здѣсь интересенъ акварельный рисунокъ Софійскаго собора); сел. Дѣдовцево (Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ онъ проводилъ лѣто въ послѣдніе годы). Интересъ новизны представляетъ отдѣлъ матеріаловъ для біографіи Н. И. Костомарова; здѣсь офіціальныя дѣла о семейномъ положеніи Н. И., о пребываніи его въ 1-й Воронежской гимназіи (на актѣ 1833 года, Н. И., будучи ученикомъ 4-го класса, читалъ на латинскомъ языкѣ Овидія), дипломъ Харьковскаго университета на степень магистра, патентъ на чинъ помощника инспектора студентовъ Костомарову и цѣлый рядъ дипломовъ на почетныя званія отъ разныхъ учреждений—русскихъ и заграничныхъ. Весьма замѣчателенъ отдѣлъ вещей Н. И. Костомарова: здѣсь цѣлый рядъ реликвій, рисующихъ его глубокую религіозность; въ числѣ ихъ экземпляръ соч. Өомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“ (на франц. яз.), поднесенный Н. И. его невѣстѣ въ Кіевѣ передъ арестомъ, съ собственноручною припискою, въ которой обращено особенное вниманіе невѣсты на 178 стр. сочиненія, гдѣ говорится о требованіяхъ истинно - христіанскаго брака; здѣсь письменный столъ Н. И., и его диванъ, и чернильный приборъ, и каталогъ его бібліотеки, и мелкія вещи его кабинета, и его дѣтскія вещи. Далѣе слѣдуетъ обширный отдѣлъ собственноручныхъ бумагъ Н. И. Костомарова: здѣсь и тексты записанныхъ имъ малороссійскихъ пѣсень, и оригиналы его сочиненій, и его собственноручныя многочисленныя выписи изъ документовъ; для будущаго біографа Н. И. это матеріалъ большого значенія; здѣсь же находится 5 писемъ Н. И. къ И. И. Срезневскому, письма его къ А. Л. Метлинскому и Рославскому-Петровскому (на малорусскомъ языкѣ); въ нихъ заключается новый и цѣнный матеріалъ для жизнеописанія Н. И. Особый отдѣлъ составляютъ *сочиненія Н. И.*, какъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, такъ равно и въ журналахъ и сборникахъ; особенно цѣнна коллекція этихъ послѣднихъ. Несмотря на всѣ поиски, не удалось только добыть сожженной первой диссертациі Н. И. объ уніи. Не менѣе богатъ отдѣлъ научной критики и литературы о Н. И. Костомаровѣ. Здѣсь собрано 86 номеровъ. Наоборотъ, отдѣлъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Н. И. бѣденъ и случаенъ.

Изъ этого бѣглаго обзора уже ясно видно богатство предметовъ на Костомаровской выставкѣ. Значеніе же ея усугубляется тѣмъ, что владѣлецъ значительной части ея коллекцій, В. Г. Котельниковъ пожертвовалъ ихъ въ собственность Воронежскаго губернскому музею. Слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ теперь образуется отдѣленіе, посвященное памяти Н. И. Костомарову, по образцу уже ранѣе устроенныхъ отдѣловъ имени Кольцова и Никитина. Для размѣщенія же всѣхъ коллекцій музея для него будетъ отведено особое зданіе.

V.

Кромѣ выставки, Воронежская ученая архивная коммисія устроила еще въ память Костомарова *этнографическій концертъ и торжественное засѣданіе*. На концертѣ, приглашенные изъ Москвы г.г. Пятницкій и Шевченко исполняли великорусскія былины и малорусскія думы, а также историческія пѣсни; кромѣ этого, г. Шевченко исполнилъ на бандурѣ музыкальную мелодію безъ словъ, въ которой чрезвычайно искусно изобразилъ приближающіеся и удаляющіеся звуки казацкой полковой музыки и пѣсни; получилась полная музыкальная иллюзія, доставившая огромное эстетическое удовольствіе слушателямъ.

Торжественное засѣданіе коммисіи собрало полный залъ. Предсѣдатель гр. Апраксинъ огласилъ многочисленныя привѣтствія учреждений по поводу устройства выставки имени Костомарова, —отъ имени Бѣлградской академіи наукъ, русской академіи, русскихъ университетовъ, ученыхъ Обществъ и т. п.; заслушано было и мое устное привѣтствіе отъ Харьковскаго университета ¹⁾; дѣлопроизводитель сообщилъ

¹⁾ Вотъ это привѣтствіе: „Н. И. Костомаровъ принадлежитъ къ славной плеядѣ тѣхъ дѣятелей въ области русской исторіи, которые, съ одной стороны, обогащали эту науку цѣнными спеціальными изслѣдованіями, а съ другой — дали намъ изображеніе общаго хода русской исторической жизни и этимъ поистинѣ приобрѣли себѣ право на почетное имя исторіографовъ. Таковъ былъ С. М. Соловьевъ, представившій намъ свою схему русскаго историческаго процесса въ видѣ родовыхъ началъ, перешедшихъ въ государственныя. Таковъ былъ И. Е. Забѣлинъ, давшій намъ начало изображенія русской жизни. Таковъ былъ и Н. И. Костомаровъ, представившій русскую исторію въ блестящихъ біографіяхъ ея важнѣйшихъ дѣятелей. Въ его лицѣ счастливо сочетались свойства глубокаго изслѣдователя, всегда черпавшаго свой матеріалъ изъ первоисточниковъ и притомъ преимущественно рукописныхъ, и историка-художника, обладавшаго талантомъ яркаго воспроизведенія прошлой жизни. Онъ напоминаетъ, слѣдовательно, такихъ представителей западно-европейской исторической художественной школы, какъ Augustin Thierry. Но въ художникѣ-историкѣ всегда былъ и критикъ, неудовлетворявшійся готовыми построеніями и характеристиками и стремившійся сказать

исторію устройства выставки, а два члена комісії сдѣлали научные доклады о жизни Н. И. и его сочиненіяхъ; особенно удачно и обстоятельно былъ составленъ второй докладъ преподавателя кадетскаго корпуса г. Писарева.

VI.

Во время своего пребыванія въ Воронежѣ я списалъ, благодаря указанію и любезности предсѣдателя Воронежской губернской ученой

свое собственное слово на основаніи внимательнаго пересмотра всѣхъ свидѣтельствъ, и нѣтъ такого отдѣла въ русской исторіи, въ которомъ не приходилось бы пользоваться его трудами, считаться съ его замѣчаніями; его работы оставили крупный слѣдъ и въ русской исторіографіи, и въ древнемъ, и въ Московскомъ, и въ Императорскомъ періодѣ русской исторіи. Но любимымъ предметомъ его изслѣдованій была южно-русская исторія. Въ цѣломъ рядѣ монографій, ей посвященныхъ, онъ далъ намъ выпуклое, картинное и въ то же время научное воспроизведеніе жизни южно-русскаго народа въ лицѣ его выдающихся дѣятелей.

Благодаря всему этому Н. И. Костомаровъ дорогъ и Императорскому Харьковскому университету, какъ дѣятель, которымъ гордится русская наука, и какъ бывший талантливый преподаватель двухъ университетовъ—Кіевскаго и Петербургскаго. Но, кромѣ того, онъ особенно близокъ нашему университету, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся его питомцевъ и какъ кандидатъ историко-филологическаго факультета на кафедрѣ русской исторіи въ 1864 г. Я отправился изъ Харькова, чтобы привѣтствовать благую мысль Воронежской архивной комісії объ устройствѣ выставки въ память Н. И. Костомарова, въ надеждѣ, что она не только явится данью уваженія мѣстнаго общества къ памяти знаменитаго уроженца Воронежскаго края, но и познакомитъ ученый міръ съ новыми матеріалами для его выдающейся біографіи. И теперь, ознакомившись съ выставкой, я могу сказать, что она оправдала возлагавшіяся на нее надежды: она устроена съ знаніемъ дѣла и любовью къ нему. Здѣсь собрано то, что въ меморіальной формѣ можетъ дать понятіе о духовномъ обликѣ Н. И. Костомарова, о его умственныхъ интересахъ, выразившихся въ его ученыхъ трудахъ, о его личной жизни и обстановкѣ, о его нравственныхъ интересахъ, о его родственникахъ и друзьяхъ, о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ проживалъ и съ которыми сроднился. Весь матеріалъ разбитъ на соответственные отдѣлы, систематизированъ и отличается богатствомъ своего состава. Цѣльность собраннаго я бы иллюстрировалъ, сказавъ, что, не выходя изъ этой выставочной залы, можно было бы составить обстоятельную біографію Н. И. Отдѣлъ рукописей и писемъ, съ которыми я ознакомился, даетъ, несомнѣнно, нѣкоторыя новыя данныя для этой біографіи. Но особенно важно и цѣнно то, что и съ закрытіемъ выставки, благодаря Вас. Гр. Котельникову, жертвующему свои коллекціи музею, большая часть собраннаго матеріала останется на мѣстѣ.

Зная составъ комісії, ея энергичныхъ руководителей и преданныхъ дѣлу работниковъ, я не боюсь за судьбу меморіальныхъ коллекцій имени Н. И. Костомарова. И мнѣ остается только въ заключеніе высказать свое задушевное пожеланіе, чтобы для Воронежскаго губернскаго музея поскорѣе было воздвигнуто достойное его научныхъ богатствъ помѣщеніе“.

архивной комиссії гр. Апраксина, въ одномъ сборникѣ слѣдующее замѣчательное письмо Гр. Сав. Сковороды къ неизвѣстному. Оно писано рукою самого Гр. Сав. его характернымъ почеркомъ къ кому либо изъ Воронежскихъ помѣщиковъ, скорѣе всего къ его другу Тевяшову.

Милостивый господине!

Пишу к вамъ про нѣкоего ближняго. Сей ветхозаконникъ Аверкій ищетъ хлѣба, а слухъ добрый вашей славы, к вамъ его направилъ. Еще правда благословить и сила довлѣетъ помогите ему ради его. Еще недостойнъ, помогите ему ради васъ самихъ. Вы вѣдь родилися на то дабы дождить на злыя и на благія. Вашего имени и всего благословеннаго вашего рода учитель старецъ Григорій Сковорода 1788 года изъ села Гусинки іюня 10.

Весьма интересны письма Н. И. Костомарова къ Из. И. Срезневскому. Не считая себя вправѣ цѣликомъ воспроизводить ихъ въ печати, я только отмѣчу содержаніе ихъ. Интересно первое, самое раннее изъ нихъ, начинающееся такъ.

1 февраля 1839 г. Ласкавый пане, Измаиль Ивановичъ. Вид-сылаю до вас из сим хлопцем шпаньски кныжки. Господь Святый з ними... (не желает учиться по испански, нужно справиться съ тѣми языками, которые начаты), просить прислать „Histoire Romaine par Michelet“... А я сегодня що робывъ—переклавъ на нашу мову Жуковскаго Свѣтланы з половины. Пріязный до вас Іеремія Галка.

Во второмъ письмѣ отъ 5 іюля 1839 года онъ пишетъ. Мил. Гос. Измаиль Ивановичъ. Посылаю вам *казки*. Душевно желаю вам разобрать их. За слог не прогнѣвайтесь, писал со слов простолюдинов. Что касается до пѣсней, то я как посмотрѣлъ, так и посылать нечего. Собираніе пѣсней малороссійскихъ никогда не было любимым для меня предметом; если какія и собирал, так это для Амвросія Лукьяновича ¹⁾. Какія остались въ памяти отъ младенческихъ временъ, тѣ съ большимъ удовольствіемъ продиктую.

Мил. Гос. Измаиль Ивановичъ. Наконецъ, препровождаю к вам послѣдній корректурный листъ Саввы Чалаго. Я пощадил дитя Саввы; убить его была бы ошибка и против истор. матеріала, потому что въ пѣснѣ его не бьют, и против театральнаго приличія, потому что эта сцена покажется уродливымъ и насильственнымъ желаніемъ произвести эффект. 11 октября 1848 г. Іеремія Галка.

¹⁾ Метлинскаго, проф. Харьковскаго университета по каѣ. словесности.

Мног. Измаиль Ивановичъ. Я сообщу кому слѣдуетъ все изложенное вамъ. Вы о Квиткѣ болѣе знать можете, чѣмъ быть можетъ всякій другой въ наше время, потому что вы старѣйшій изъ проводившихъ юность въ Харьковѣ. Очень сожалѣю, что вы не можете сами лично быть на обѣдѣ ¹⁾. Васъ глуб. уваж. и искр. пред. Н. Костомаровъ.

VII.

Устройство отдѣла имени Костомарова въ Воронежскомъ музеѣ наводитъ на мысль о желательности устройства, по крайней мѣрѣ, особой Костомаровской витрины въ нашемъ университетскомъ музеѣ, въ его историческомъ отдѣленіи. Н. И. Костомаровъ тѣсно связанъ съ Харьковскимъ университетомъ, какъ его выдающійся питомецъ, какъ кандидатъ на кафедрѣ русской исторіи, по избранію историко-филологическаго факультета, и, наконецъ, какъ поэтъ и писатель-этнографъ. Чтобы провести вопросъ на реальную почву, я попросилъ въ Воронежѣ у В. Г. Котельникова нѣсколько экземпляровъ меморіальнаго характера для витрины Н. И. Костомарова въ нашемъ университетскомъ музеѣ и заручился обѣщаніемъ прислать еще рядъ фотографическихъ снимковъ. Къ этому я присоединяю еще нѣсколько собственноручныхъ писемъ Н. И. Костомарова. Такимъ образомъ, начало коллекціи этимъ положено. Остается выразить пожеланіе, чтобы и другія лица оказали намъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, особенно меморіальными предметами, имѣющими отношеніе къ Харьковскому періоду дѣятельности Н. И. Костомарова, т. е., къ 30-мъ и началу 40-хъ годовъ.

Д. И. Багалъй.

¹⁾ Это письмо, очевидно, стоитъ въ тѣсной связи со 100-лѣтнимъ юбилеемъ со дня рожденія Г. Э. Квитки. Юбилей праздновался въ Харьковѣ и былъ отмѣченъ въ Петербургѣ.

Къ постановкѣ памятника Г. О. Квиткѣ-Основьяненку и изданію сборника статей о немъ.

ХАРЬКОВСКОЕ городское управленіе два года тому назадъ постановило поставить памятникъ выдающемуся мѣстному общественному и литературному дѣятелю Г. О. Квиткѣ—Основьяненку. Въ связи съ этимъ, Харьковское Историко-Филологическое Общество постановило подготовить ко времени постановки памятника сборникъ научныхъ статей о Г. О. Квиткѣ, какъ писателѣ и общественномъ дѣятелѣ. Для того и другого предпріятія нужны средства. Городъ въ теченіе двухъ лѣтъ далъ на памятникъ шесть тысячъ р.—основаніе прочное, но для памятника—даже скромнаго по величинѣ и обстановкѣ—потребуются значительно большія средства. Историко-Филологическое Общество находится въ настоящее время лишь въ стадіи подготовленія матеріаловъ для сборника и не располагаетъ средствами для ихъ изданія.

И тутъ понадобится со стороны разныхъ лицъ и учрежденій матеріальная и литературно-научная поддержка. Сочувствующіе болѣе идеѣ памятника благоволятъ оказать содѣйствіе городу, сочувствующіе идеѣ сборника—Историко-Филологическому Обществу, въ формѣ посильныхъ пожертвованій для той или другой цѣли или для обѣихъ вмѣстѣ.

Нижеслѣдующія строки могутъ служить для того достаточной мотивировкой:

Григорій Ѳеодоровичъ Квитка-Основьяненко (1778—1843 г.г.) принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, извѣстному въ исторіи Слободской Украины уже со второй половины XVII вѣка. Служебная дѣятельность предковъ Григорія Ѳеодоровича, полковниковъ слободскихъ казачьихъ полковъ, тѣсно связана съ Харьковомъ и Харьковщиной. Въ такой же связи съ исторіей родного края и, въ особенности, родного города стоитъ и имя ихъ славнаго потомка.

Энергичная, разнообразная и плодотворная общественная дѣятельность Григорія Ѳеодоровича Квитки, охватывающая 30-лѣтній періодъ (1812—1843 г. г.), начинается выступленіемъ его въ почетной роли *директора харьковскаго театра* (1812—1816 г. г.).

Одновременно Квитка исполнялъ обязанности *правителя дѣлъ Харьковскаго Общества Благотворенія*, возникшаго въ 1811 году по инициативѣ самого Основьяненка, его брата—Андрея Ѳеодоровича (безсмѣннаго предводителя дворянства Харьковской губерніи, впоследствии сенатора) и другихъ представителей мѣстной интеллигенціи. Крупнѣйшей заслугой Григорія Ѳеодоровича, какъ правителя дѣлъ Общества, является *основаніе въ Харьковѣ института благородныхъ дѣвицъ*, въ то время представлявшаго собой *единственное* женское среднее учебное заведеніе *на нѣсколько южныхъ губерній*. Значеніе института въ дѣлѣ женскаго образованія для Харькова и всего края въ свое время было настолько велико, что имя его основателя смѣло можетъ быть поставлено вслѣдъ за именемъ другого славнаго сына Украины—основателя Харьковскаго Университета В. Н. Каразина.

Съ чисто юношеской энергіей отдавшись одному просвѣтителъному дѣлу, Квитка сумѣлъ найти время и для участія въ другомъ симпатичномъ начинаніи лучшей части мѣстнаго общества—онъ былъ однимъ изъ *соиздателей* и постояннымъ *сотрудникомъ перваго* на югѣ Россіи литературно-научнаго журнала: «*Украинскій Вѣстникъ*» (1816—1819 г.г.).

Съ 1817 года, въ теченіе четырехъ трехлѣтій сряду, Григорій Ѳеодоровичъ несъ обязанности *предводителя дворянства Харьковскаго уѣзда*. Это время ознаменовано, между прочимъ, хлопотами Квитки

по учрежденію въ Харьковѣ новаго разсадника просвѣщенія—*кадетскаго корпуса*, по волѣ Императора Николая Павловича открытаго не въ Харьковѣ, а въ сосѣдней съ нимъ Полтавѣ.

Съ 1832 до 1840 года Квитка занималъ (*по выборамъ*) должность *совѣтнаго судьи* и состоялъ однимъ изъ *попечителей первой Харьковской публичной городской бібліотеки*.

Къ концу тридцатыхъ годовъ относится также *дѣятельность Квитки по изданію книгъ для народа*. Изъ цѣлаго ряда популярныхъ изданій, проектированныхъ Квиткой, увидѣла свѣтъ только одна брошюра: «Лысты до любезныхъ землякивъ». «Будучи написанной на малорусскомъ языкѣ, эта книжка должна была, по идеѣ автора, разъяснить народу положеніе различныхъ слоевъ общества въ государственномъ строѣ».

Въ послѣдніе годы жизни Основьяненко занималъ *выборную* въ то время должность председателя Палаты Уголовнаго Суда, при чемъ за годъ до смерти внесъ въ Министерство Юстиціи *ходатайство объ учрежденіи для малолѣтнихъ преступниковъ особыхъ пріютовъ*, но не дождался осуществленія своей мечты, которой было суждено исполниться лишь много лѣтъ спустя...

Таковы заслуги Квитки, какъ *мѣстнаго общественнаго дѣятеля*; но не на нихъ зиждется его широкая извѣстность Имени Основьяненка отводится одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи *украинской литературы*. Въ его „Малороссійскихъ повѣстяхъ“ (1834—1837 г.г.) критика справедливо усматриваетъ „первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и быть сочувственно и въ то же время талантливо, разносторонне и вѣрно. Едва ли кто изъ нашихъ беллетристовъ до Квитки относился съ такою горячею и искреннею любовью къ народу“. Что же касается произведеній Основьяненка на русскомъ языкѣ, то и въ нихъ онъ „является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы“ (проф. Н. П. Дашкевичъ).

Сочиненія Квитки и до сихъ поръ привлекають вниманіе публики: его „Панъ Халаявскій“ выдержалъ множество изданій, а нѣкоторыя изъ пьесъ („Шельменко“ и „Сватання на Гончаривци“) донинѣ даются на малорусской сценѣ.

Та же любовь къ родному краю, которой проникнута вся общественная и *художественно-литературная дѣятельность* Основьяненка, характеризуетъ его и какъ автора статей *прозаическаго* характера, заключающихъ цѣнный *матеріалъ для исторіи Южной Руси*, возбуж-

давшихъ въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ его родной старинѣ и тѣмъ способствовавшихъ *пробужденію народнаго самосознанія*.

Не менѣе важна и роль Квитки, какъ одного изъ *крупнѣйшихъ малорусскихъ этнографовъ* 30—40-хъ годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь.

Изъ этого краткаго обзора общественныхъ и литературныхъ заслугъ Григорія Θεодоровича Квитки-Основьяненко достаточно выясняется наша моральная обязанность достойнымъ образомъ почитать память человѣка, имя котораго, по словамъ одного изъ первыхъ біографовъ Квитки—К. М. Сементовскаго, „перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію завѣтное сокровище, неоцѣненный перлъ“.

Въ первомъ засѣданіи выдѣленной Историко-Филологическимъ Обществомъ Квиткинской комиссіи 23 декабря 1909 г. въ составѣ предсѣдателя проф. Сумцова, секретаря Д. А. Ткаченко и членовъ Д. И. Багалѣя, Д. П. Миллера, А. В. Ветухова, В. И. Саввы, Е. П. Трифильева, Е. М. Иванова и Н. М. Баженова обсуждались вопросы о формахъ и способахъ участія Историко-Филологическаго Общества въ отношеніи содѣйствія городу въ сооруженіи и открытіи памятника Г. Ф. Квиткѣ. Въ результатѣ совѣщанія было постановлено:

1) Просить Н. М. Баженова войти въ соглашеніе съ Д. Н. Лашенкомъ и облегчить трудъ составленія обращенія къ мѣстнымъ и иногороднимъ учрежденіямъ о матеріальномъ содѣйствіи городу на памятникъ Квиткѣ, отмѣтивъ вкратцѣ его главныя литературныя и общественныя заслуги.

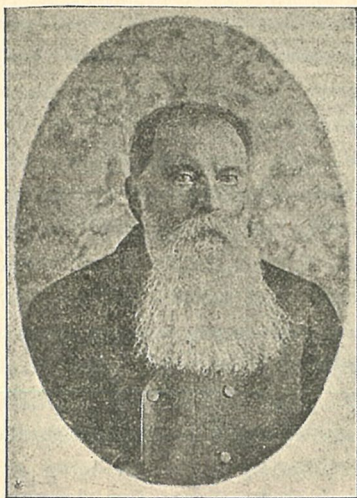
2) Подготовлять къ изданію матеріалы для сборника статей о Квиткѣ и его сочиненіяхъ. Изъ напечатанныхъ трудовъ имѣтъ въ виду для внесенія въ этотъ сборникъ статьи проф. Багалѣя „Квитка, какъ историкъ“, проф. Сумцова „Квитка, какъ этнографъ“, указатель статей о Квиткѣ, составленный Н. М. Баженовымъ и нѣкоторыя другія. Для сборника г. Арабажинъ предложилъ статью о Квиткѣ, какъ драматургѣ, и г. Грековъ къ исторіи земскаго изданія сочиненій Квитки. Въ интересахъ научной разработки тѣхъ сторонъ, о которыхъ въ печати нѣтъ изслѣдованій, предположено рекомендовать темы на преміи соотвѣтствующаго содержанія, напр., о драмахъ Квитки (отзывы о нихъ, о вліяніи ихъ и пр.), о языкѣ Квитки въ его русскихъ и украинскихъ литературныхъ произведеніяхъ и друг.

3) Поручено Е. М. Иванову произвести поиски неизданныхъ матеріаловъ, напр., писемъ.

4) Позаботиться о пополненіи существующаго уже въ университетскомъ музеѣ квиткинскаго меморіальнаго отдѣла старыми изданіями, портретами, статьями о Квиткѣ и проч.

5) Имѣтъ въ виду составленіе ко времени открытія памятника популярнахъ брошюръ о Квиткѣ на русскомъ и украинскомъ языкахъ съ тѣмъ, чтобы городское управленіе могло въ надлежащее время издать ихъ и пустить въ обращеніе.

Въ исполненіе 1 § составлена была приведенная выше замѣтка по поводу постановки памятника Г. Ф. Квиткѣ и изданія сборника статей.

П. И. Житецкій.

5-го марта въ Кіевѣ скончался на 75-мъ году Павелъ Игнатьевичъ Житецкій, одинъ изъ немногихъ ученыхъ, неизмѣнно и настойчиво работавшихъ въ области исторіи малорусскаго языка, народной поэзіи и литературы. Этому человѣку, при его обширной эрудиціи и живой любви къ наукѣ, было мѣсто въ университетѣ на каеедрѣ, и онъ вполне по заслугамъ въ концѣ жизни получилъ почетное званіе члена-корреспондента академіи наукъ. П. И. Житецкій провелъ жизнь въ скромномъ положеніи преподавателя кіевскихъ средне-учебныхъ заведеній, послѣ непродолжительной приватдоцентуры въ петербургскомъ университетѣ. Тѣмъ болѣе чести покойному, тѣмъ болѣе выдвигается впередъ его неизмѣнное трудолюбіе и рѣдкая любовь къ наукѣ, что и при неблагоприятныхъ условіяхъ онъ успѣлъ занять почетное мѣсто среди русскихъ ученыхъ.

Глубокій и чистый идеалистъ, П. И. высказался уже давно на страницахъ „Основы“ въ началѣ 60-хъ годовъ и всю жизнь остался вѣрнымъ своимъ чистымъ привязанностямъ и благороднымъ стремленіямъ.

Въ научныхъ трудахъ П. И. обильный фактическій матеріалъ всегда освѣщенъ свѣтлой руководящей мыслью и согрѣтъ теплымъ, животворнымъ чувствомъ. Житецкій принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, которые не только даютъ знаніе, но и вызываютъ любовь къ наукѣ.

Среди ученых, изучавших или изучающих малорусский язык—старых и новых—Максимовича, Потебни, Михальчука, Крымского, Огіенка, Житецкий всегда был крупной величиной, по основательности изучения и широтѣ взглядовъ.

Изъ филологических трудовъ П. И. выдаются два—диссертация „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ 1876 г. и „О переводахъ Евангелія на малорусский языкъ“ 1895 г. Особенно хороша послѣдняя статья, небольшая по объему, но превосходная по ясному, строго научному построению и мягкому доброжелательному тону. Въ этой статьѣ П. И. Житецкий, по порученію академіи наукъ, рассмотрѣлъ три перевода Евангелія—Морачевского (начала 60-хъ годовъ), Кулиша (нач. 70-хъ годовъ) и Лободовскаго (90-хъ годовъ), изъ которыхъ Кулишевскій—печатный, а остальные два разсматривались по рукописямъ. Безусловно лучшимъ оказался наиболѣе старый переводъ Морачевского, который и легъ въ основаніе послѣдняго синодальнаго изданія Св. Писанія на украинскомъ языкѣ подъ редакціей архіеп. Паренія.

П. И. оказалъ не малую заслугу наукъ своей статьей о замѣчательномъ памятникѣ украинской старины—Пересопницкомъ Евангеліи, которое въ рукописи хранится въ Полтавѣ въ бібліотекѣ духовной семинаріи. Въ послѣднее время оно обстоятельно обслѣдовано г. Соколовскимъ со стороны языка и г. Грузинскимъ со стороны орнаментики. За этимъ давнимъ, будто сухимъ церковнымъ дѣломъ, скрывается очень свѣтлая страничка украинской исторіи. Развѣ не свѣтло и поучительно, что около четырехсотъ лѣтъ тому назадъ былъ кружокъ лицъ, изъ православныхъ украинцевъ, который задался цѣлью дать своему народу книгу—одновременно самую полезную, самую понятную и самую красивую. Кружокъ этотъ былъ на Волини, состоялъ изъ богатаго князя Заславскаго, княгини Гольшанской, архимандрита Григорія. Книгой было выбрано Евангеліе—самая полезная въ мірѣ книга, и—что замѣчательно—для уразумѣнія этой великой книги она была переведена на малорусский языкъ, и,—что также замѣчательно,—рукопись была расписана лучшимъ художникомъ въ стилѣ итальянскаго искусства эпохи Возрожденія, блестящаго въ исторіи европейской культуры Ренесанса. Пересопницкимъ Евангеліемъ, какъ результатомъ религіознаго подъема, съ идейной стороны интересовались въ старину—сохранились списки съ него, а какъ результатомъ эстетическаго вліянія Возрожденія,—съ художественной стороны—интересовались извѣстные ученые (Стасовъ, Павлуцкий), заинтересовались Августѣйшія Особы,—рукопись, по приказанію Императора Александра II, была представлена

на Высочайшее разсмотрѣніе. Для украинцевъ этотъ памятникъ долженъ быть дорогъ и со стороны національной, какъ краснорѣчивое и поучительное свидѣтельство сознательнаго выступленія на путь просвѣщенія народа на его собственномъ языкѣ и со привнесеніемъ всего лучшаго, что могло дать искусство. Понятно, почему на Пересопницкое Евангеліе обратили особенно большое вниманіе Бодянскій, которому принадлежитъ честь его открытія, и Житецкій, сдѣлавшій много для его описанія и уясненія.

Высоко-художественный, къ сожалѣнію, почти неизвѣстный въ широкихъ слояхъ общества циклъ украинскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ и думъ, въ главной его части,—именно въ думахъ,—привлекъ къ себѣ вниманіе П. И. Житецкаго. „Мысли о малорусскихъ народныхъ думахъ“—весьма цѣнный и полезный научный трудъ. Распадается книга на двѣ части: въ первой части изслѣдованіе о думахъ, во второй—помѣщены самыя думы по одному старинному рукописному сборнику. Хотя нѣкоторыя предположенія автора, напримѣръ, по вопросу о томъ, къмъ были составлены думы, можно оспаривать, но въ общемъ изслѣдованіе П. И., написанное живо и увлекательно, представляется весьма цѣннымъ и полезнымъ научнымъ трудомъ.

Въ послѣдніе годы жизни, въ тяжеломъ параличномъ состояніи, П. И. далъ цѣнное изслѣдованіе о И. П. Котляревскомъ въ связи съ состояніемъ украинской письменности въ XVIII ст.

Чуть ли не самымъ важнымъ въ научномъ отношеніи, по новизнѣ темы и основательности разработки, и въ то же время весьма мало извѣстнымъ даже среди людей науки, является затерянное въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г. большое изслѣдованіе Житецкаго „Обзоръ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ“. Это изслѣдованіе въ высшей степени оригинальное, самостоятельное, построено на трудно доступныхъ источникахъ, превосходно по построенію и обильно цѣнными выводами и заключеніями. Важно оно одинаково и для филолога, и для историка литературы. Въ немъ идетъ рѣчь о составѣ и характерѣ малорусской книжной рѣчи XVII вѣка, въ связи съ общимъ состояніемъ культуры, школы и просвѣщенія; выдѣляются сначала польскіе элементы, потомъ общерусскіе, потомъ собственно украинскіе, выясняются по даннымъ языка и литературы нѣкоторыя общія явленія, напримѣръ, національное самосознаніе въ Украинѣ въ XVII в., разобраны нѣкоторые важные памятники, напримѣръ, Лексиконъ Памвы Берынды 1619 года—любопытный памятникъ старой малорусской рѣчи.

Въ послѣдніе годы академія наукъ предприняла изданіе полнаго собранія сочиненій выдающихся ученыхъ; вышли уже А. Котляревскій, И. Ждановъ, Буслаевъ, Веселовскій. Желательно, чтобы въ эту серію вскорѣ вошелъ и Житецкій, какъ членъ-корреспондентъ академіи наукъ, тѣмъ болѣе, что его ученые труды составляютъ въ наукѣ нѣчто цѣльное и самостоятельное, посвящены такимъ отдѣламъ старины, которые не были ранѣе предметомъ ученаго изслѣдованія и носятъ на себѣ печать глубокаго изученія.

Таковы научные труды покойнаго; но значеніе ученаго, какъ извѣстно, печатными трудами далеко еще не исчерпывается, а важно еще личное вліяніе, его живое слово. Хотя П. И. былъ, какъ онъ самъ шутилъ, „попъ безъ парафіи“, т. е. безъ кафедры; но какъ живая научная сила, онъ пользовался вѣсомъ и вліяніемъ въ мѣстныхъ ученыхъ Обществахъ—въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, въ кievскомъ Науковомъ Товариствѣ, среди мѣстныхъ людей науки и учащейся молодежи, даже въ недоступной ему парафіи—университетѣ, судя потому, какъ отнеслись къ его кончинѣ въ Кіевѣ научныя учрежденія и лица. Черезъ три дня послѣ кончины П. И., 8 марта состоялось засѣданіе кievскаго Науковаго Товариства, всецѣло посвященное памяти покойнаго, съ докладами и воспоминаніями проф. Грушевскаго, проф. Перетца, Михальчука, Василенка, Науменка, Стешенка, Левицкаго, Косачъ, Черняховской. На 13 марта назначено было засѣданіе Общества Нестора Лѣтописца съ докладомъ Маслова памяти П. И. Житецкаго. Поминають и чествуютъ П. И. Житецкаго, какъ глубокаго ученаго, какъ дѣятеля на поприщѣ общественной и педагогической, какъ хорошаго человѣка, съ чистыми и свѣтлыми убѣжденіями, которыя онъ высказалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на страницахъ „Основы“, и которымъ остался вѣренъ въ теченіе всей своей долгой трудовой жизни. Въ могилу сошелъ послѣдній крупный представитель той генераціи дѣятелей науки, которая украшена именами Антоновича, Потебни, Кистяковскаго, Костомарова, Драгоманова. Имя П. И. Житецкаго самымъ тѣснымъ образомъ связано съ этими видными представителями науки и просвѣщенія.

Н. Ф. Сумцовъ.

І. Е. Мандельштамъ.

ОКОНЧАВШІЙСЯ весной 1911 г. Іосифъ Емельяновичъ Мандельштамъ былъ человѣкъ хорошей, сердечной, широко образованный. Сначала онъ былъ учителемъ въ Харьковской 2-й гимназіи, потомъ въ петербургскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, въ послѣдніе годы состоялъ профессоромъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ по кафедрѣ исторіи русскаго языка и литературы.

Я засталъ покойнаго при окончаніи курса во второй Харьковской гимназіи, когда І. Е. только что получилъ мѣсто и выглядывалъ еще совсѣмъ юнымъ.

Прошло много лѣтъ, а и теперь его свѣтлый образъ стоитъ передо мною и вызываетъ чувство благоговѣнія. Впервые я увидѣлъ въ лицѣ І. Е. гуманиста-педагога, съ такимъ рѣдкимъ тактомъ, такого мягкаго и вдумчиваго, какого я не встрѣчалъ ранѣе.

Мой гимназическій учительскій персоналъ по тому фонду знаній, какимъ онъ обладалъ и какой умѣлъ дать учащимся, былъ сильный. Я готовъ низко поклониться пройденной мною гимназіи за то большое количество знаній, какимъ она снабдила меня и за воспитанное ею стремленіе къ наукѣ; но при всѣхъ достоинствахъ моихъ гимназическихъ учителей, всѣ они строго придерживались пятибальной системы, нѣкоторые грубо обращались съ учениками, подчасъ драли за волосы, за уши.

И вотъ въ послѣднемъ, тогда выпускномъ 7 классѣ появился новый учитель, застѣнчивый, худенькій, вѣжливый; сначала онъ преподавалъ нѣмецкій языкъ, потомъ, по выходѣ моемъ изъ гимназіи, русскій. Въ гимназіи тогда по какой-то традиціи шла травля учителя нѣмецкаго языка; ученики шумѣли, кричали, паясничали, выкидывали разныя неумѣстныя и непристойныя шутки. И у І. Е. сначала ученики держали себя слишкомъ вольно, грубо, вызывающе. Но молодой учитель на грубость отвѣчалъ только ласковой улыбкой, отмѣтокъ за отвѣты не ставилъ и самое преподаваніе все болѣе и болѣе сводилъ на почву совмѣстной съ учениками дружеской, почти товарищеской работы, въ формѣ бесѣды понѣмецки, складыванія фразъ, по подсказаннымъ преподавателемъ словамъ. Повѣяло чѣмъ-то новымъ, простымъ, сердечнымъ. Какъ-то незамѣтно стала налаживаться и улучшаться класная дисциплина. Какъ-то незамѣтно стала выростать округленная нѣмецкая фраза, возникъ интересъ къ изученію нѣмецкаго языка, и самый языкъ этотъ съ его сажеными періодами, съ его убогающими на конецъ фразъ сказуемыми, показался далеко не столь сухимъ и труднымъ, какимъ онъ казался ранѣе.

Начало научной дѣятельности І. Е. относится ко времени пребыванія его въ Харьковѣ. Еще въ 1871 г. появилась его работа „Ома Щитный, какъ одинъ изъ предшественниковъ реформаціи“. Черезъ десять лѣтъ, въ 1882 г., вышла диссертация „Опытъ объясненія обычаевъ“. Изслѣдованіе посвящено всецѣло тому, какъ въ обычаяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ отразился растительный міръ. Подъ вліяніемъ незадолго передъ тѣмъ вышедшаго капитальнаго труда нѣмецкаго ученаго Маннгарда „Baumkultus“ Мандельштамъ увлекся въ сторону мифологическихъ толкованій. Хотя по основнымъ выводамъ его трудъ и не лишенъ преувеличенія и частныхъ недосмотровъ, все-таки, по обилію матеріала, проявленной авторомъ любви къ научнымъ изученіямъ, эта книга была весьма полезной и во всякомъ случаѣ не заслуживала осужденія, тѣмъ болѣе того забвенія, какому она вскорѣ подверглась. *Fata habent sua libelli*, и книги, какъ люди, имѣютъ свою судьбу; диссертация Мандельштама принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ, какъ говорится, не повезло въ наукѣ, какъ часто достойнымъ людямъ не везетъ въ жизни.

Почти такая же судьба постигла другое крупное, болѣе чѣмъ предыдущее цѣнное научное изслѣдованіе Мандельштама „О характерѣ Гоголевскаго стиля“ (1902 г.). Оно въ наукѣ не завоевало того положенія, какого заслуживаетъ по новизнѣ многихъ выводовъ, глубокому ученію произведеній Гоголя со стороны стиля, ясному, стройному,

мѣстами красивому изложенію. Книга полезна во многихъ отношеніяхъ, какъ единственное цѣльное изслѣдованіе о языкѣ и стилѣ великаго писателя юмориста. Всѣ говорятъ о юморѣ Гоголя, и лишь Мандельштамъ впервые остановился на широкомъ научномъ объясненіи,— какъ у Гоголя выражень юморъ, къ какимъ приѣмамъ прибѣгаетъ писатель, чтобы вызывать веселое настроеніе, чѣмъ отличается юморъ Гоголя отъ юмора другихъ писателей, въ чемъ украинское вліяніе. Попутно изслѣдованію подвергнуты гоголевскія сравненія, эпитеты, гиперболы и т. д. Въ изслѣдованіи въ значительной мѣрѣ объяснено, изъ какихъ тайниковъ языка и мыслей народа геній Гоголя извлекалъ матеріалы для своего художественнаго творчества.

Около десяти лѣтъ тому назадъ І. Е. занялъ профессорскую кафедру въ Финляндіи. Онъ вошелъ въ эту маленькую культурную страну, какъ культурный человекъ, усвоилъ ея языкъ, полюбилъ ея выдающихся дѣятелей, въ короткое время освоился съ ними и умѣлъ сдѣлать свой цѣнный вкладъ. Своими лекціями и трудами на русскомъ и шведскомъ языкахъ І. Е. содѣйствовалъ взаимному сближенію финляндской и русской интеллигенціи; совмѣстно съ Игельстромомъ І. Е. въ 1905 г. составилъ превосходный шведско-русскій словарь (въ 1106 страницъ). Въ томъ же 1905 г. І. Е. основалъ Общество „Молодая Россія и Финляндія“, организовалъ популярныя чтенія на русскомъ языкѣ. Когда Финляндія горячо справляла столѣтіе со дня рожденія своего великаго національнаго поэта Рунеберга (1804—1877), І. Е. принялъ горячее участіе, и непременно хотѣлъ, чтобы и родной его харьковскій университетъ, его alma mater, принялъ участіе въ этомъ культурномъ праздникѣ. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ той внутренней культурной работы, которую на холодныхъ камняхъ развилъ финскій народъ, слѣдуя путемъ просвѣщенія и трудолюбія.

Въ 1907 г. І. Е. писалъ мнѣ:

„Времена настали поганія; жить стало неохота. Отрада одна наука... Вы поймете мою радость, гордость отъ сознанія, что я посодѣйствовалъ образованію специалистовъ по нашей словесности среди финской молодежи“.

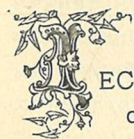
Любопытно, что І. Е. посылалъ своихъ учениковъ для усовершенствованія въ харьковскій университетъ, и одинъ изъ нихъ, г. Мансика, занимавшійся, по совѣту І. Е., въ Харьковѣ, недавно издалъ цѣнное научное изслѣдованіе о заговорахъ, и съ небольшими замѣтками часто выступаетъ въ специальныхъ научныхъ изданіяхъ.

Мандельштамъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ питомцевъ харьковскаго университета, по своимъ идеаламъ, научнымъ стремленіямъ, по всему складу своей свѣтлой, благородной души, принадлежалъ къ тѣмъ творческимъ натурамъ, которыя стремятся всю жизнь къ свѣту и, какъ путеводныя звѣзды, разсѣваютъ вокругъ себя одинъ лишь свѣтъ, которыя въ своихъ стремленіяхъ, своими трудами ведутъ народы къ взаимному сближенію и содружеству.

Н. Ф. Сумцовъ.

Т. М. Пархоменко.

ДЕСЯТЬ лѣтъ тому назадъ, 19 августа 1902 г., зала Харьковской общественной библіотеки около 8 часовъ вечера была свидѣтельница любопытнаго явленія,—съ одной стороны, она была полнымъ полною представителями интеллигенціи, мѣстной и иногородней,

въ лицѣ съѣхавшихся со всей Россіи членовъ XII археологическаго съѣзда, и представителями администраціи, города и земства, съ другой стороны—на возвышенной эстрадѣ одинъ за другимъ выступали скромные, бѣдные люди, въ сирякахъ и чинаркахъ, слѣпые кобзари и лирники.

Эти люди, по своему репертуару—люди XVII вѣка, давали концертъ, и, что было удивительно, люди XX вѣка, очевидно, искренно аплодировали живымъ тѣнямъ далекаго историческаго прошлаго.

Въ концертѣ участвовало 8 кобзарей и лирниковъ, изъ Харьковской, Черниговской и Полтавской губерній. Лучшими исполнителями оказались Пархоменко, Деревченко и Кучеренко. По задушевности и мелодичности голоса и по музыкальной экспрессіи особенно выдвинулся самый молодой изъ нихъ Терентій Марковичъ Пархоменко, изъ Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи, хрупкая и нѣжная натура, поэтически настроенная, на видѣ слабенькій и худенькій молодой человѣкъ 27 лѣтъ.

На другой день въ № 257 „Харьк. Вѣд.“ К. М. Бичъ-Лубенскій въ большой, мило написанной статьѣ говорилъ, что концертъ вызвалъ среди публики „огромный интересъ“, и что этотъ интересъ всецѣло „вызванъ былъ хранителями музыкальнаго поэтическаго творчества малорусскаго народа“. „Честъ и слава XII археологическому съѣзду, писалъ К. М., такъ блестяще демонстрировавшему родное музыкальное художественное богатство“. Одновременно въ „Южномъ Краѣ“ (№ 7470), въ обширномъ отчетѣ о концертѣ было отмѣчено, что „среди исполнителей кобзарей выдвинулся Пархоменко, который прекрасно спѣлъ пѣсню про Морозенка и на bis сыгралъ веселый мотивъ“.

Весной 1911 г. Пархоменко скончался отъ чахотки, въ глухомъ селѣ, въ чужой хатѣ, въ слѣпотѣ и нищетѣ, оставивъ слѣпую, нищую жену и 6 душъ нищихъ дѣтей. Умирая, онъ утѣшалъ ихъ, что найдутся люди, которые вспомнятъ его пѣсни и помогутъ его сиротамъ.

Терентій Марковичъ въ дѣтствѣ обладалъ зрѣніемъ. Онъ былъ членомъ очень бѣдной крестьянской семьи. Какъ ни бѣденъ былъ его отецъ, онъ отдалъ сына въ школу; но на бѣду мальчика школа была далеко, и ходить въ нее было трудно. Въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ, въ суровую зиму во время метели, маленькій Терешка чуть не замерзъ, сильно простудился, заболѣлъ и потерялъ зрѣніе. Изъ-за куска хлѣба онъ сталъ учиться у кобзаря и всей душой отдался поэзіи и музыкѣ. Онъ усвоилъ и нерушимо хранилъ огромное количество пѣсенъ, въ томъ числѣ 10 старинныхъ думъ и 28 духовныхъ псалмъ, и не только усвоилъ, но, какъ тонкая, художественная натура, исполнялъ ихъ артистически, съ увлеченіемъ и любовью.

Не слѣдуетъ думать, что кобзари и лирники, по пѣснямъ своимъ люди XVII вѣка, по соціальной обстановкѣ жалкіе слѣпцы нищіе, совсѣмъ чужды умственнымъ и нравственнымъ интересамъ своихъ образованныхъ и чиновныхъ современныхъ слушателей. У нѣкоторыхъ

лирниковъ и особенно кобзарей, при всемъ внѣшнемъ убожествѣ, интеллектъ оказывается очень развитымъ. Пархоменко, на примѣръ, былъ человѣкъ съ социальнымъ и національнымъ пониманіемъ. Въ немъ жила глубокая и сознательная вѣра въ возможность національнаго и культурнаго возрожденія родного края, какъ живетъ эта вѣра и у нѣкоторыхъ его товарищей по несчастью и профессіи. Оттого онъ такъ любилъ и такъ чудесно исполнялъ пѣсню про Морозенка въ особомъ художественномъ вариантѣ.

Какъ натура артистическая по природѣ, Пархоменко, по словамъ одного очевидца, „з великимъ хвилюваннямъ виступавъ передъ слухачами, і кожний разъ переживавъ серцемъ кожду думу, пісню. Его худе, выснажене горемъ обличчя покрывалося приємною сумною усмішкою, коли і слухачи переживали его сумні думи про славне мінуле рідного края“.

Хотя въ Харьковѣ П. явился еще молодымъ, но слава его уже прочно стояла въ кобзарскомъ мірѣ, и имя его уже въ то время было популярно на Украинѣ. Харьковъ еще болѣе поднялъ его значеніе и извѣстность. Пархоменко получилъ приглашеніе пѣть въ многіе города. Его вызывали въ Петербургъ, въ Кіевъ, въ Полтаву, на мѣстные этнографическіе концерты. Ближайшей причиной его смерти было то, что, вызванный зимой на одинъ изъ такихъ концертовъ, онъ промерзъ въ дорогѣ и простудился.

Неизвѣстно, есть-ли крестъ на могилѣ этого бѣдняка; но извѣстно, что еще при жизни ему, какъ общественному и литературному дѣятелю, былъ поставленъ хорошій, прочный памятникъ — въ видѣ превосходнаго научнаго о немъ труда профессора Московскаго университета М. Н. Сперанскаго, съ записью всѣхъ его пѣсенъ, съ глубокимъ, вполне научнымъ, объективнымъ разъясненіемъ ихъ значенія въ ряду новыхъ записей народнаго поэтическаго творчества. Благодаря этому труду, память о славномъ пѣвцѣ Украины прочно закрѣплена, и сохраненный имъ богатый поэтическій матеріалъ дѣлается важнымъ источникомъ для научныхъ изученій.

Н. Ф. Сумцовъ.

Іеромонахъ Веніаминъ Гонтаревскій,

слагатель псалмовъ и духовныхъ стиховъ.

(1750—1828).

Въ бібліотекѣ настоятеля Покровской церкви въ Одессѣ протоіерея Ѳ. Е. Туровскаго (вообще довольно богатой рѣдкими книгами и разными рукописями) есть небольшой рукописный сборникъ, на оберткѣ коего написано мѣсяцословъ и проч., а внутри—на первой страницѣ—подъ приклееннымъ маленькимъ изображеніемъ Св. Троицы: „Изъ числа книгъ Іеромонаха Веніамина. 1822 года, мая 9 дня“. А сбоку—тутъ же: „Подарована сія книжка мною нижеподписавшимся Пречестному Іеродіакону Варлааму. Іеромонахъ Веніаминъ своеручно подписалъ“.

Весь сборникъ писанъ одною рукою—самого о. Веніамина—и заключаетъ въ себѣ на первомъ планѣ Мѣсяцословъ, Табелъ Пасхальную, рожденіе и ущербъ луны (статьи, очевидно, составлявшія насущную потребу для любимыхъ справокъ о. Веніамина...); затѣмъ—„Выписки Разныя...“; большею же частію въ немъ въ высшей степени аккуратно, полууставомъ, съ красною большою буквою въ началѣ, переписаны собственнаго о. Веніамина сочиненія псалмы и другіе духовные стихи, которые и составляютъ главное историко-литературное значеніе этого скромнаго сборника...

На одной страничкѣ своей книги (на 46-й) Гонтаревскій подъ заглавіемъ „Записка“ составилъ краткій очеркъ своей жизни, изъ коего мы, между прочимъ, узнаемъ, откуда онъ былъ родомъ и въ какомъ монастырѣ подвизался и составлялъ свои духовные стихи. Вотъ этотъ очеркъ:

1750.—Августа 11-го дня, въ пятницу, въ 7-мъ часу по утру, родился Василій И. сынъ Г.—сынъ Нѣжинскаго Малороссійскаго Казачого Полку Сотника Ивана Михайловича Гонтаревскаго и

Уліяны Петровны Г. Восприємникомъ ему былъ порутчикъ Тимоеей Ретюнскій.

- 1778.—Сентября 23. Женился въ казенной слободѣ Рублевкѣ на дочери Протоіерея Павла Ляшевецкаго дѣвицѣ Софіи.
- 1779.—Октября 13 рукоположенъ въ діакона, а 14 тогожъ мѣсяца— во священника дядею его Василиємъ по матери Преосвященнымъ Аггеемъ Епископомъ Бѣлоградскимъ и Обоянскимъ, въ городѣ Бѣлоградѣ.¹⁾
- 1801.—Февраля 3 произведенъ протоіереємъ, въ городѣ Харьковѣ Преосвященнымъ Христофоромъ, Епископомъ Слободскимъ, Украинскимъ и Харьковскимъ.
- 1815.—Іюля 9—въ пятницу постриженъ въ Іеромонаха и нареченъ Веніаминомъ въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ Общительномъ Монастырѣ.

Почти всѣ псалмы и духовные стихи о. Веніамина написаны акrostихомъ, причемъ начальныя буквы, всегда для отличія отъ другихъ красныя, составляютъ или монашеское его званіе и имя: Іеромонахъ Веніаминъ, или прежде: Василій.

Перечислимъ написанныя имъ стихи:

- 1) Пѣснь Богу—на голосъ: „Исусе мой прелюбезный“. Акrostихъ: Веніаминъ Іеромонахъ. Начинается такъ:

Владыко мой многомилосердный, Боже Всеблагій,
Единъ въ Троицѣ всегда славимый, Господь Всеблагій...

- 2) Пѣснь Божіей Матери—на голосъ: „Склонитесь вѣки“... Акrostихъ: Василій.

- 3) Пѣснь св. Ангеламъ—на голосъ: „Господь Спаситель мнѣ и свѣтъ“...—Приводимъ ее впопнѣ, какъ наиболѣе краткую для характеристики авторства о. Веніамина:

Ангель Святыхъ Соборъ поемъ, Служителей Творца,
Ихъ же блаженной вѣчной жизни нѣтъ никогда конца.
Отца зъ сыномъ и духомъ Святымъ—Единаго Бога чтутъ
Святъ, Святъ, Святъ Сильный Вседержитель! всегда они
поютъ.

Чистые духи естествомъ Всечистѣйшаго зрятъ
И хвалу Ему воздая Престолу предстоятъ.
Среди Собора Михаилъ весь Соборъ украшаетъ,

¹ *Аней Колосовскій* былъ родомъ изъ м. *Бѣликовъ* Полтавскаго Полку. Епископомъ Бѣлгородскимъ былъ въ 1774 г. по 1786 г. † 24 октября 1792 г.—Л. М.

Испоянь дара Божественна, какъ Солнце въ день сіяеть.
Кто яко Богъ? воскликнулъ онъ нѣкогда громогласно
И Сатану во адъ ввергнулъ съ демоны ужасно.
Да не мнить быти тварь подобна Создателеви всѣхъ!
Противныхъ Богу, онъ лишилъ безконечныхъ утѣхъ.
Родъ же человѣчъ онъ хранитъ, отъ всякихъ бѣдъ
защищаетъ,

Ему спасенія желая, Творца всѣхъ умоляетъ.
Тѣмъ чтемъ мы оный Вашъ Соборъ, всѣ Ангельски лики
И молимъ Васъ отъ всякихъ бѣдъ храните насъ во вѣки.
За насъ просите Всеблагото пресвѣтлымъ Соборомъ
И чисту дѣву, да покрыетъ своимъ омофоромъ
Да сподобятся вси достигнуть въ небесную сѣнь
И съ Вами славить Всевышняго во вѣки. Аминь.

- 4) Пѣснь св. Николаю Чудотворцу—на голосъ: „Склонитесь вѣки вси со человѣки“. Начало:
Всему міру явно имя твое славно,
Святителю Николае, всякъ тя призываетъ
Въ молитву ко Богу, всѣмъ надежду многу.
- 5) Пѣснь св. Великомученицѣ Варварѣ—на голосъ: „Склонитесь вѣки“.
- 6) Молитва—Іеромонаха Веніамина Гонтаревского. Внизу подпись: писана 1824 г., Марта 3-го дня.
- 7) Переложеніе молитвы „Слава въ вышнихъ Богу“, его же краегранесіе: „Славно Бога Азъ недостойный Іеромонахъ Веніаминъ“.
- 8) О Величествѣ Божіемъ—краегранесіе: „Пою Богу моему недостойный Іеромонахъ Веніаминъ“.
- 9) Акростихъ покаянный, его же краегранесіе: „Смиренно вопію къ Богу моему грѣшный и недостойный Іеромонахъ Веніаминъ“.
- 10) Молитва. І. В. Г.
- 11) Молитва Божіей Матери, ея краегранесіе: „Радуйся Невѣсто Неневѣстная“.
- 12) Пѣснь Богу—акростихъ. На голосъ: „Востани, о душе! востани, что спиши!“
- 13) Пѣснь Божіей Матери—На голосъ „Склонитесь вѣки вси со человѣки“.—Сочинилъ и писалъ Іеромонахъ Веніаминъ 1826 г. Октября 10 дня.
- 14) Изъ Псалма 9-го акростихъ.—Сочиненъ [и писанъ Іеромонахомъ Веніаминомъ 1828 г. Марта 6-го дня.

- 15) О жизни человѣческой—Акростихъ. Начало:
Вся наша жизнь однихъ исполнена суетъ
Есть и самъ человѣкъ, какъ одушевленный цвѣтъ.
Не много онъ времени въ жизни процвѣтаетъ
И едва рождается въ свѣтъ почти умираетъ.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе оригинальныхъ стихотвореній переложены о. Веніаминомъ на стихи еще разныя молитвы.

Весь свой талантъ и все свое чувство іером. Веніаминъ посвящалъ воспѣванію Бога и святыхъ его. Только одинъ разъ онъ не могъ удержаться, чтобы не воспѣть природу, которую очевидно любилъ, какъ дивное твореніе Божіе. Есть у него одинъ акростихъ Веснѣ. Вотъ онъ:

Весна прекрасная когда лишь явится,
Ахъ какая на земли нова пріятность зрится!
Сады, поля и луга распещрены цвѣтами
И долины, и яры обилуютъ водами.
Летая вездѣ птицы тогда гнѣзда вьютъ
І издая гласъ веселый всѣхъ творца поютъ.

Кромѣ собственныхъ сочиненій Іеромонахъ Веніаминъ переписывалъ въ своей книжкѣ изъ прочитаннаго «Выписки разныя». Всѣ они показываютъ, что о. Веніаминъ постоянно желалъ поддерживать въ себѣ строгость монашеской жизни и монашеское міросозерцаніе. Большинство „выписокъ“ говоритъ о Богѣ, о молитвѣ, о покаяніи, о чистотѣ и цѣломудріи, о смиреніи, нестяжательности и т. п.—Весьма рѣдко онъ касается вопросовъ внѣ-монашеской жизни; но замѣчательно, что иногда его въ тиши келіи затрогивали тогдашнія отношенія вышихъ и низшихъ слоевъ общества, очевидно ему знакомыя по его прежней мірской жизни. Такъ у него есть выписки подъ заглавіемъ: „о благородныхъ и подлыхъ“, а въ выпискѣ о смиреніи и гордости говорится между прочимъ: „Высокомыслящій о себѣ человѣкъ долженъ всякій день разсматривать, какія кости господскіи и крестьянскіи—до тѣхъ поръ пока онъ найдетъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ“.

Изрѣдка между выписками встрѣчаются шутивыя эпитафіи и эпиграммы, остроуміемъ коихъ, очевидно, подчасъ забавлялся о. Веніаминъ: таковы, напримѣръ, эпитафіи:

Гніетъ здѣсь прегордая латынь.

Аминь.

Здѣсь лежить, ахъ! жена моя любезна.
Смерть ея для общаго покоя полезна.

„Я также,—сказаль подъячій, какъ солдатъ отечеству служу:
Неправдали“? Меня ты вопрошаешь.
Большое сходство я между вами нахожу:
Тотъ кровь свою, а ты чернили проливаешь.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы.

1. Прежде всего замѣчательна сама личность іеромонаха Веніамина Гонтаревского. Разсматриваемую нами книжицу онъ составляль, когда ему было 70—78 лѣтъ. Такимъ образомъ этотъ старецъ—монахъ могъ дѣйствительно сказать о себѣ вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ: „Пою Богу моему дондеже есмь“; до конца жизни своей онъ, по словамъ Апостола Павла, упражнялся „во псалмахъ и пѣсняхъ духовныхъ,—пѣлъ и воспѣваль въ сердцѣ своемъ Господу“. Въ часы свободные отъ церковной службы онъ занимался составленіемъ пѣсней во славу Бога и святыхъ Его. И съ какою любовію и тщательностію онъ вель это дѣло! Это была его жизнь, его радость и утѣха! Религіозный восторгъ и молитва наполняли его душу.

Если еще при жизни своей о. Веніаминъ подарилъ свою книжку іеродіакону Варлааму,—то, значить, сей Варлаамъ и другіе изъ монастырской братіи знали о существованіи и содержаніи этой книжки, знали вообще о стихотворной дѣятельности о. Веніамина, духовно наслаждаясь его священными пѣснями и—при посредствѣ ихъ—сѣяли въ сердцахъ своихъ доброе сѣмя духовной любви и чистоты...

2. Но кромѣ того эти псалмы и духовные стихи іеромонаха Веніамина имѣють и нѣкоторое историко-литературное значеніе. Конечно, въ нихъ нѣтъ особыхъ литературныхъ достоинствъ и художественности. Сами по себѣ они больше цѣнны какъ актъ нравственнаго, а не художественнаго творчества. По всему видно, что старецъ Веніаминъ не учился систематически въ „высшихъ школахъ“. Это подтверждается уже тѣмъ, что въ своей маленькой автобіографіи онъ ничего не упоминаетъ о своемъ поступленіи въ какое-либо училище, о чемъ онъ, повидимому, долженъ былъ бы замѣтить, еслибы это было... По всей вѣроятности, онъ получилъ начатки образованія и книжности въ какой-нибудь сельской церковной школѣ, у какого-нибудь мандрованнаго дьяка, и самъ сначала исполняль низшія церковныя должности. Только родство съ преосв. Аггеемъ Колосов-

скимъ подняло его выше на духовно-служебномъ поприщѣ. Конечно, любовь къ книжности въ немъ въ послѣдствіи развилась, и самообразованіемъ, какъ тогда многіе дѣлали, онъ восполнилъ недостатокъ школьной науки. Но все же въ стихослагательствѣ онъ не пошелъ дальше силлабическаго размѣра. Хотя и знакомо ему стихотвореніе Ломоносова: „Господь Спаситель мнѣ и свѣтъ“,—но онъ не слѣдуетъ въ подражаніи ему тонико-метрическому размѣру. Онъ крѣпко держится старыхъ образцовъ и преимущественно Дмитрія Ростовскаго съ его знаменитою псалмою: Иисусе мой прелюбезный... Были у него подъ руками и другіе обычные въ то время сборники духовно-нравственныхъ пѣсней. Изъ этихъ пѣсней ему особенно нравился голосъ одной, начинавшейся стихами: Склонится вѣки вси со человѣки...— Такимъ образомъ іеромонахъ Веніаминъ Гонтаревскій служить представителемъ старой литературной традиціи, сохранявшейся въ южно-русскихъ монастыряхъ. Его примѣръ показываетъ, что существовавшій въ этихъ монастыряхъ обычай слагать псалмы и всякіе духовные стихи долго не умиралъ и былъ по прежнему источникомъ народнаго религіозно-нравственнаго пѣснотворчества... Разными путями, въ особенности же чрезъ монастырскихъ „послушниковъ“, которые списывали эти псалмы у первыхъ слагателей, любители заучивали ихъ наизусть и послѣ, занимая церковно-служительскія должности въ городахъ и селахъ, распѣвали и распространяли ихъ. Эти духовныя пѣсни переходили иногда къ кобзарямъ и лирникамъ, а эти послѣдніе уже обращали ихъ въ удовлетвореніе народной потребности слушать духовныя пѣсни.

Сообщ. *Левъ Мацѣвичъ*.

Одесса. 1895 г.

Къ Всероссійскому Съѣзду Художниковъ.

27 декабря текущаго 1911 года въ С.-Петербургѣ имѣеть быть состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Всероссійскій съѣздъ художниковъ. Въ числѣ основныхъ вопросовъ программы съѣзда являются вопросы исторіи искусства (конечно, въ частности русскаго) и вопросы объ обереганіи произведеній искусства, причемъ предполагается „особенное вниманіе обратить на наши историческія постройки, церковныя и свѣтскія, замѣчательныя по художественности работы, а также на предметы древности“; при этомъ имѣется въ виду, что „необходимо составленіе полного списка такихъ построекъ... съ привлеченіемъ художественныхъ и мѣстныхъ силъ“ къ этому дѣлу.

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, получивъ приглашеніе отъ устроительнаго комитета принять участіе въ работахъ съѣзда, остановило свое особое вниманіе главнымъ образомъ на вышенамѣченныхъ вопросахъ программы съѣзда. Въ засѣданіи Общества 2 мая делегатами на съѣздъ избраны заслуженный проф. Н. Ф. Сумцовъ, прив.-доц. В. И. Веретенниковъ и готовящійся къ профессурѣ А. И. Бѣлецкій и этимъ членамъ Общества совмѣстно съ его секретаремъ Е. М. Ивановымъ поручено въ первую очередь а) сдѣлать подсчетъ мѣстныхъ художественныхъ силъ и б) собрать свѣдѣнія о памятникахъ мѣстной художественной старины. Имѣя въ виду подготовить къ съѣзду нѣкоторые матеріалы въ этомъ направленіи, но признавая въ то же время себя безсильнымъ безъ участія и безъ помощи въ такомъ предпріятіи со стороны общественныхъ силъ, цѣнящихъ и любящихъ искусство (особенно, свое родное искусство), историко-филологическое Общество обращается къ просвѣщенному содѣйствію заинтересованныхъ лицъ и учреждений съ просьбой не отказать помочь ему въ этомъ дѣлѣ доставленіемъ свѣдѣній по тѣмъ вопроснымъ пунктамъ, которые приводятся ниже. Самыя краткія, отрывочныя данныя будутъ приняты Обществомъ съ благодарностью и, конечно, имена

всѣхъ помогавшихъ въ этомъ дѣлѣ Обществу будутъ въ послѣдствіи опубликованы.

1. Какія старинныя зданія, частныя или общественныя по постройкѣ своей обращаютъ на себя вниманіе? При этомъ интересно установленіе времени постройки зданія, и кромѣ того желательно имѣть хотя краткое описаніе такихъ зданій въ ихъ нынѣшнемъ видѣ и данныя объ исторіи ихъ постройки; интересно знать, не сохранились-ли въ старинныхъ частныхъ домахъ кафельныя печи съ рисунками и нѣтъ-ли отдѣльныхъ изразцовъ.

2. Какія картины, лицевыя рукописи, рисунки, гравюры, книги съ гравюрами, статуи или произведенія медальернаго искусства принадлежатъ частнымъ лицамъ или общественнымъ учрежденіямъ, которыя относятся къ старому времени? Нѣтъ-ли старопечатныхъ славянскихъ изданій иллюстрированныхъ? Каковъ переплетъ такихъ книгъ или рукописей? Нѣтъ ли иконописныхъ подлинниковъ, служившихъ руководствомъ для иконописцевъ при изображеніи святыхъ?

3. Какія произведенія церковной живописи или отдѣльныя вещи изъ церковной утвари по происхожденію можно отнести къ старому времени?

4. Какія и гдѣ хранятся вещи домашняго обихода (одежда, пояса, мебель, посуда и др.), а также вещи военнаго быта (оружіе, доспѣхи и проч.), относящіяся издѣльемъ своимъ къ старому времени? Сюда входятъ всѣ части одежды мужской и женской, будничной и праздничной; головные уборы, ожерелья, запястья, кольца, пояса, обувь, вышивки и мережки, а также всѣ предметы праздничные—свадебные каравансы и калачи (фотографіи), свадебныя вѣнки и проч.

5. Какія извѣстны мѣстности (деревни, поселки, города и проч.), гдѣ-бы издавна велось какое-либо кустарное производство вещей художественной промышленности, т. е. украшенныхъ какими-либо узорами, рисунками, либо особенныхъ по необычнымъ и красивымъ формамъ своимъ? Желательно обратить особое вниманіе на писанки, пасхальныя яйца; узнать, кто занимается этимъ дѣломъ: маляры по найму, домохозяева или старѣйшая женщина въ домѣ, какъ производится раскраска, какими инструментами, какими красками; какіе выводятся рисунки.

Всѣ сообщенія просятъ направлять по слѣдующему адресу: г. Харьковъ. Историческій архивъ при Императорскомъ университетѣ Евгенію Михайловичу Иванову.

По обстановкѣ, по задачамъ, по программѣ всероссійскіе съѣзды художниковъ, можно сказать, предпріятіе грандіозное, и, при благоприятныхъ условіяхъ, отъ нихъ можно ожидать многихъ благотворныхъ результатовъ.

Программа всероссійскаго съѣзда художниковъ чрезвычайно широкая: 1) вопросы эстетики и искусствъ, 2) исторія искусствъ, 3) обереганіе произведеній искусства и обереганіе красивыхъ мѣстностей (законодательныя мѣры и проч.), 4) художественное образованіе (общее и специальное), 5) живопись и ея техника, 6) скульптура и ея техника, 7) архитектура и ея техника, 8) гравюра и ея техника, 9) художественное книгопечатаніе, 10) художественная иллюстрація (эстампы, открытки, народныя картины и др.), 11) художественная промышленность (кустарная и заводская), 12) одежда, 13) искусство въ театрѣ, 14) художественное устройство садовъ и 15) общіе вопросы (о правѣ художественной собственности и др.),—программа, очевидно, такая обширная, что въ ней заинтересованы не одни художники-профессіоналы, но и вообще люди образованные, общественные дѣятели, люди науки, города, земства, университеты, театр.

Первый § положенія всероссійскаго съѣзда художниковъ предвидитъ широкую заинтересованность и идетъ ей навстрѣчу. Въ составъ всероссійскаго съѣзда художниковъ входятъ „художники всѣхъ отраслей графическихъ и пластическихъ искусствъ: живописцы, архитекторы, скульпторы и проч., преподаватели тѣхъ же искусствъ и любители художествъ“,—составъ, очевидно, очень широкій—художники, преподаватели, любители искусства.

Въ основу всероссійскаго съѣзда художниковъ положены симпатичныя цѣли: „единеніе художественныхъ силъ“, „сближеніе художниковъ, историковъ и археологовъ“, развитіе національнаго искусства, съ немедленнымъ объясненіемъ, что національность „не должна быть понимаема въ смыслѣ отреченія отъ идеаловъ общечеловѣческихъ; напротивъ, должна служить имъ, питаясь родниками родной земли, и только тогда искусство будетъ процвѣтать и вложить свой особый вкладъ въ общее достояніе челоѣчества“. Мысль свѣтлая, но не новая; еще Потебня говорилъ, что правильно понятый націонализмъ ведетъ къ интернационализму.

При такой программѣ, при такихъ широкихъ культурныхъ стремленіяхъ желательно, чтобы и украинскіе художники приняли въ этомъ съѣздѣ горячее участіе и сказали вѣское слово въ защиту родного искусства, а сказать есть что, особенно, теперь. На первомъ всероссійскомъ съѣздѣ художниковъ 1894 года украинцамъ, по состоянію

науки, почти не было мѣста, и на второмъ всероссійскомъ сѣздѣ художниковъ 1908 г. немного можно было сказать, хотя уже къ этому времени появилось нѣсколько цѣнныхъ работъ объ украинской архитектурѣ; но теперь, въ 1911 г., украинское искусство можетъ опереться на серьезный запасъ художественно-археологическихъ и чисто художественныхъ матеріаловъ, на изслѣдованія объ украинскихъ храмахъ и украинской орнаментикѣ проф. Павлуцкаго, проф. Волкова, Щербаковскаго, Филянскаго и др. Лѣтъ пять тому назадъ выраженіе „украинскій стиль“ вызывало улыбку; въ настоящее время такая улыбка служила бы только признакомъ грубаго невѣжества. Если, придерживаясь только текущаго года и слѣдуя лишь за новинками, мы заглянемъ въ послѣдній, восьмой выпускъ замѣчательнаго изданія Игоря Грабаря „Исторія русскаго искусства“, то найдемъ большую статью объ украинскихъ церквахъ и зданіяхъ барокко; въ послѣднемъ № кіевскаго художественнаго изданія „Искусство и художественная промышленность“ находимъ описаніе полтавскаго земскаго дома со снимками его характерныхъ формъ и украшеній; въ послѣдней книжкѣ петербургскаго художественнаго изданія „Аполлонъ“ (1911 г. № 2) находимъ статью Георгія Лукомскаго „Украинскій барокко“ съ рисунками кіевскихъ и черниговскихъ церквей. Знанія, очевидно, растутъ, а вмѣстѣ съ ними растетъ интересъ къ украинскому искусству, къ украинской культурной старинѣ. Съ накопленными запасами можно уже смѣло и съ достоинствомъ выступать на художественныхъ сѣздахъ, хотя бы „всероссійскихъ“, тѣмъ болѣе, что такому большому кораблю, какъ всероссійскій сѣздъ художниковъ, предстоитъ большое плаваніе, и всѣмъ друзьямъ и почитателямъ роднаго искусства нужно использовать его, чтобы на людей посмотреть, и себя показать,—главное не лежать на родинѣ „колодою“, а работать для нея съ широкимъ кругозоромъ.

Шевченко указывалъ на пѣсни народныя, какъ на свидѣтельство „славы Украины“; но пѣсни народныя не могли быть одинокимъ явленіемъ, и наука нынѣ укрѣпляетъ фундаментъ новыми данными изъ области письменности, архитектуры, орнаментики.

Правила всероссійскаго сѣзда художниковъ открываютъ большой просторъ для ученой и художественной дѣятельности. Членскій взносъ всего пять рублей. Секціи, или отдѣлы открываются при наличности небольшого числа участниковъ, не менѣе пяти,—условіе благоприятное для развитія художественныхъ и научныхъ интересовъ и тѣснаго единенія ученыхъ въ предѣлахъ спеціальныхъ изученій. Не заходя далеко, въ предѣлахъ программы, можно, напримѣръ, уже

намѣтити такіа українскія секціи: 1) исторія искусства (вообще, опредѣленіе объема, источниковъ, пособій), 2) сохраненіе художественныхъ памятниковъ (деревянныхъ старыхъ церквей и др.), 3) обереганіе красивыхъ мѣстностей (днѣпровскіе пороги, Берестовецкій вулканъ, Шевченкова гора и др.), 4) старая иконопись (о наличныхъ собраніяхъ, каталогизація, описи иконъ), 5) украинская свѣтская живопись (старая и новая), 6) мозаика и фрески до-монгольской Руси, 7) рѣзьба по дереву (церковныя статуэтки, двери и пр.), 8) архитектура (церковная и свѣтская), 9) гравюра (въ изданіяхъ XVI—XVII вѣковъ), 10) орнаментъ (гончарныя издѣлія, писанки и пр.), 11) вышивки и мережки (церковныя и свѣтскія, мотивы, названія и пр.), 12) терминологія (отраженіе искусства въ языкѣ, западныя вліянія и пр.). Если взять только эти 12 отдѣловъ—можетъ быть больше,—то каждый изъ этихъ отдѣловъ можетъ быть предметомъ самостоятельнаго интереса и изученія въ предѣлахъ украинскихъ историческихъ и художественныхъ матеріаловъ. И не только украинцы по происхожденію и симпатіямъ, но и вообще люди науки, любители искусства найдутъ тутъ новое поле для дѣятельности и обнаружатъ живой интересъ въ научной и художественной разработкѣ затронутыхъ здѣсь явленій старой и новой жизни.

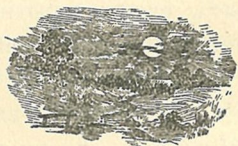
Нельзя не признать весьма жалательнымъ, чтобы большіе города, какъ Харьковъ, университеты, въ томъ числѣ харьковскій, ученія Общества, напримѣръ, харьковское историко-филологическое, приняли участіе въ всероссійскомъ сѣздѣ художниковъ на широкой почвѣ единенія художественныхъ интересовъ и взаимныхъ услугъ въ этомъ направленіи. Харьковъ имѣетъ свой городской музей, свою рисовальную школу; университетъ располагаетъ каедрой по исторіи и теоріи искусствъ, музеями—художественнымъ, церковно-историческимъ, этнографическимъ; историко-филологическое Общество заботится о сохраненіи памятниковъ старины, въ томъ числѣ художественныхъ. Въ Харьковѣ часто бываютъ выставки мѣстныхъ и иногороднихъ художниковъ, часто читаются публичныя лекціи и дѣлаются научные доклады на темы по теоріи и исторіи искусства. Безспорно, въ настоящее время Харьковъ является уже крупнымъ центромъ художественнаго образованія и для развитія въ будущемъ ему въ этомъ направленіи понадобятся новыя силы и новыя средства.

Одно изъ пожеланій всероссійскаго сѣзда художниковъ гласитъ, что для развитія вкуса и любви къ искусству необходимо распространеніе школъ по округамъ, и не только специальныхъ, но и общихъ художественныхъ, „для желающихъ заниматься искусствомъ въ свобод-

ное время отъ повседневнаго труда“. Стоитъ только вдуматься въ послѣднія строки, чтобы увидѣть, какія широкія перспективы пріоткрываетъ всероссійскій съѣздъ художниковъ для насажденія полезныхъ свѣдѣній и чистыхъ художественныхъ радостей. Намѣчается путь къ открытію разнообразныхъ художественныхъ кружковъ и фереиновъ, путь къ развитію художественныхъ вкусовъ въ обществѣ, въ народѣ, въ семьѣ и въ школѣ.

Устроительный комитетъ всероссійскаго съѣзда художниковъ говоритъ, что „созданіе красоты во всемъ обиходѣ жизни церковной, государственной и частной имѣетъ великое нравственное значеніе. Оно озаряетъ и краситъ жизнь“... Если при этомъ не забыты и тѣ люди, которые нуждаются въ отдыхѣ и развлеченіи „въ свободное время отъ повседневнаго труда“, то, очевидно, признается право широкихъ слоевъ общества и всего народа на „развитіе вкуса и любви къ искусству“; тѣмъ болѣе умѣстно городамъ, какъ средоточіямъ культурной жизни, соединяющимъ соціальныя верхи съ соціальными низами, войти въ это новое, важное художественно-просвѣтительное теченіе.

Н. Ф. Сумцовъ.

Новости по исторіи украинскаго искусства.

УКРАИНСКОЕ искусство все болѣе и болѣе начинаетъ завоевывать вниманія и мѣста въ наукѣ и въ жизни, все чаще появляются изслѣдованія объ украинскихъ церквахъ, украинской орнаментикѣ, все чаще появляются попытки сооруженія новыхъ зданій въ украинскомъ стилѣ и на выставкахъ всякаго рода (особенно кустарныхъ) украинскому искусству начинаютъ отводить мѣсто.

Проявленіемъ этого новаго интереса въ наукѣ и искусствѣ служатъ, между прочимъ, слѣдующія изслѣдованія и статьи, появившіяся въ послѣднее время:

1. *Уварова П. С. граф.*, Малорусское искусство и выставка XIV археол. съѣзда, въ „Древности. Труды Моск. Археол. Общ.“ т. XXII, вып. I. Статья Гр. П. С. Уваровой интересна по личности автора и по темѣ изслѣдованія. Гр. Уварова ставитъ общій вопросъ— „существуетъ ли вообще малорусское искусство и, если существуетъ, то въ чемъ именно состоятъ его самобытныя черты“. На основаніи личнаго изученія памятниковъ художественной старины въ послѣдніе годы въ Черниговѣ и въ Галичинѣ, П. С. Уварова приходитъ къ положительнымъ выводамъ, отмѣчаетъ вліяніе мастеровъ византійцевъ на предметахъ XV и XVI в., проникновеніе этнографическихъ и національных украинскихъ элементовъ (казацкіе костюмы), развитіе архитектурной стилистики въ XVIII в., изящество въ рѣзбѣ по дереву, проявленіе стиля Empire, любовь къ орнаменту въ видѣ виноградныхъ гроздьевъ, проявленіе восточныхъ вліяній (въ вышивкахъ, поясахъ).

2. *Проф. Г. Павлуцкій*, Деревянное церковное зодчество на Украинѣ.

3. *В. Грабарь*, Деревянное церковное зодчество Прикарпатской Руси.

4. *Проф. Г. Павлуцкій*, Старинныя деревянныя синагоги въ Малороссіи.

5. *Проф. Г. Павлуцкій*, Каменное церковное зодчество на Украинѣ.

6. *Проф. Г. Павлуцкій*, Гражданское зодчество на Украинѣ.

Статьи проф. Павлуцкого и Грабаря вошли въ 8-й выпускъ „Исторія русск. искусства“ Грабаря 1911 г., подъ общимъ заголовкомъ „Барокко Украины“. Много иллюстрацій (общіе виды церквей, входныя двери, купола, колокольня). Галицкія церкви впервые разсмотрѣны подробно. Маленькая статья пр. Павлуцкого о гражданскомъ украинскомъ зодествѣ интересная новинка. Всѣ статьи заняли 80 стр.; къ первой ст. пр. Павлуцкого приложенъ бібліографическій указатель вышедшихъ ранѣе изслѣдованій объ украинскомъ церковномъ зодествѣ.

7. *Волковъ. Ө. К.*, Старинныя деревянныя церкви на Волыни, въ 1 т. „Матеріалы по этнограф. Россіи“ изд. Этн. Отд. Русск. Музея И. Александра III 1910 г., стр. 21—44, съ 38 рисунками въ текстѣ, часовни, церкви, опасанья, царскія врата, колокольни, кладбищенскіе кресты. Цѣнная содержательная рецензія Широцкаго въ Зап. Наук. Товар. Шевч. 1910, V, 194.

8. *Лукомскій, Георгій*, Украинскій барокко, въ Аполлонѣ 1911 г. № 2 стр. 5—14, небольшая интересная статья, съ рисунками церквей Кіева, Козельца и Чернигова. По словамъ автора, большого поклонника памятниковъ украинской архитектурной старины, памятники эти нынѣ пребываютъ „въ условіяхъ почти дикихъ, въ обладаніи недостойныхъ потомковъ и частью въ плѣну у совершенно невѣжественныхъ владѣтелей“.

9. *Докладъ г. Лукомскаго* по исторіи украинской архитектуры, именно о памятникахъ г. Чернигова и Черниговской губ., находящихся въ заброшенномъ состояніи, о церковныхъ и свѣтскихъ (домъ Мазепы и др.). Прочитанъ въ москов. обществѣ сохраненія памятниковъ старины. Краткое сообщеніе въ Извѣст. Общ. преп. граф. иск. 1910 г. № 10.

10. *Павлуцкій, проф.* О деревянныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ „путтовъ“ въ южно-русскихъ церквахъ XVII—XVIII в. „Путтами“ называются изображенія ангеловъ малютокъ. Въ культурно-историческомъ отношеніи путты прямые наслѣдники классическихъ геніевъ и эротовъ. Христіанская церковь ихъ усыновила: живопись и скульптура христіанскихъ народовъ приняли ихъ съ любовью. Главная черта путта, унаслѣдованная имъ отъ эрота,—игривая рѣзвость, дѣтская отвага. Шаловливые эроты въ древности изображались часто борющимися съ гусями, пѣтухами, собачками, катающимися на дельфинахъ. До XV ст. христіанское искусство не знало путтовъ; но съ XV в., съ эпохи Возрожденія, изображеніе маленькихъ шаловливыхъ дѣтей вошло въ моду: то они выступаютъ, какъ простой

мотивъ орнаментациі, съ гирляндами въ рукахъ, то въ религіозномъ значеніи малютокъ ангеловъ. Въ орнаментальномъ значеніи они находятся на одномъ цоколѣ гробницы XV ст., работы италіанскаго скульптора Якоппо Кверчія, въ Луккскомъ соборѣ. Часто путты встрѣчаются у Донателло. Флорентійская скульптура воспользовалась этимъ художественнымъ мотивомъ въ широкой степени. Въ живописи путты вскорѣ заняли весьма большое мѣсто. Рафаэль, Тиціанъ, Корреджіо, Дюреръ, Мурильо, Ванъ-Дикъ и особенно Рубенсъ отвели имъ широкое мѣсто въ своихъ твореніяхъ, большей частью въ связи съ изображеніемъ пр. Богородицы. Путтовъ нельзя смѣшивать съ ангелами, которые играютъ роль въ христіанской иконографіи въ качествѣ почетной небесной стражи и вѣстниковъ вѣчнаго спасенія. Ангелъ издавна представляется юношей, взрослымъ; одѣтъ онъ въ тунику и въ тогу. Путты, напротивъ,—голыя дѣти; только небольшая драпировка иногда прикрываетъ ихъ. Красивыми группами путты обыкновенно располагаются въ небесахъ, вокругъ лицъ, сидящихъ на тронѣ или возносящихся на небеса. Въ смыслѣ формъ и красокъ они заполняютъ пустыя верхнія части большихъ иконъ и картинъ. Стихія путтовъ—воздухъ и облака. Западные художники скульпторы создали для церквей, дворцовъ, гробницъ, фонтановъ и рѣшетокъ цѣлые сонмы дѣтскихъ фигуръ съ выраженіемъ простодушной наивности, счастливаго самодовольства или юмора.

Западное вліяніе черезъ Польшу привело путтовъ и въ малорусскіе храмы. Ими усердно занялось древорѣзное искусство, и дало имъ мѣсто въ иконостасахъ, кіотахъ, божницахъ, подсвѣчникахъ, въ особенностяхъ, въ царскихъ вратахъ. Въ старинной Малороссіи древорѣзное искусство процвѣтало. Арабскій путешественникъ XVII ст. Павелъ Алеппскій былъ изумленъ малорусскими рѣзными иконостасами. Былъ особый цехъ мастеровъ этого дѣла—кресторизовъ. По словамъ проф. Павлуцкаго, „форма рѣзныхъ изображеній малютокъ—ангеловъ въ южнорусскихъ церквахъ остается совершенно западною. Подобно путтамъ Донателло и Веррокіо, фигуры малютокъ—ангеловъ—красивые, полненькіе, живые и розовые ребятишки, съ жирными руками, съ ямочками на кистяхъ рукъ, съ пухлыми щечками. Ярko раскрашенныя и позолоченныя эти дѣтскія фигуры производятъ впечатлѣніе живой дѣйствительности“. Техническая обработка свидѣлствуетъ о вліяніи нѣмецкихъ деревянныхъ рѣзныхъ работъ XV и XVI ст. Головки украинскихъ путтовъ надѣлены живымъ выраженіемъ чувства. Нѣкоторыя головки имѣютъ кудрявые, выющіеся волосы, а другіе—прическу мѣстнаго происхожденія. Рядомъ съ хорошими рѣз-

ними работами стоять и второстепенныя въ художественномъ отношеніи или плохія по исполненію; но „всѣ они интересны, какъ памятники народнаго искусства, какъ показатели нашей родной старины и культурныхъ интересовъ нашихъ предковъ“.

Небольшая статья проф. Павлуцкаго написана живо, съ теплымъ чувствомъ и снабжена 4 рисунками; въ общемъ она представляетъ интересную страницу изъ украинской церковной старины. Желательно, чтобы въ районѣ Харьковскаго края путты также обратили на себя вниманіе, и, чтобы сохранившіяся гдѣ либо ихъ рѣзныя изображенія были переданы въ музей Харьковскаго университета или сфотографированы и описаны.

11. *Врангель, Н. Н. бар.*, Южно-русское искусство, въ 9 вып. Ист. русск. иск. Грабаря 1911 г., стр. 25—36. Очень маленькая статья объ украинскихъ каменныхъ и деревянныхъ скульптурныхъ издѣліяхъ XVI—XVIII вѣка, съ 12 рисунками (памятники Киселя и Острожскаго, два рѣзныхъ иконостаса, деревянные статуи Спасителя въ темницѣ, Богородицы и Голговы); какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ, вошедшихъ въ „Истор.“ Грабаря, украинское искусство представлено слабо.

12. *И. З-нъ*, Къ вопросу о перемѣщеніи надгробія кн. К. И. Острожскаго, въ „Иск. и печат. Дѣло“ 1910 №№ 8—9, небольшая, но цѣнная статья противъ варварской разрушительной мысли о перенесеніи этого интереснаго памятника украинской старины (1579 г.) изъ Лавры въ Кіевскій музей, что неизбежно должно повлечь за собой порчу и разрушеніе. Въ томъ же смыслѣ статья Е. М. Кузьмина въ Кіевск. Вѣстн. 1910, № 143.

13. „Искусство“ 1910 № 11 даетъ рисунокъ съ иконы „Распятіе“ на деревѣ южно-русскаго письма XVII в. изъ коллекции Кіевского Музея. Интересный образецъ стараго украинскаго соединенія въ иконописи духовныхъ и свѣтскихъ элементовъ, особенно, въ лицѣ „донатора“, типичнаго украинца старины.

14. *А. С. Грузинскій*, Пересопницкое Евангеліе, какъ памятникъ искусства эпохи Возрожденія въ Южной Россіи въ XVI вѣкѣ, въ 1 вып. Кіевского журнала „Искусство“ за 1911 г. Этотъ превосходный научный и художественный трудъ прекрасно изданъ, съ 11 рисунками, объясняющими орнаментику замѣчательнаго письменнаго памятника украинской старины и со снимками съ текста, объясняющими его графику. Точно установлена дата памятника (1556—1561); установлено непосредственное итапанское вліяніе и соединеніе разнообразныхъ стилей въ орнаментикѣ. Рецензія Возняка въ Зап. Наук. Товар. ім. Шевч. 1911, II, 161.

15. *Г. Г. Павлукий*, Орнаментъ Пересопницкаго Евангелія, въ „Искусство“ 1911 г. № 2. Авторъ освѣщаетъ этотъ орнаментъ съ исторической точки зрѣнія, отмѣчая однѣ черты (плетенку), какъ наслѣдіе отъ XV и болѣе ранняго времени, другія (акантъ) на слѣдіемъ отъ Ренесанса,—спеціальный коментарій къ статьѣ г. Грузинскаго.

16. *Бяляшевскій*. Нѣсколько параллелей изъ области народнаго искусства, на укр. яз. въ „Литер.—Наук. Вѣстникъ“ 1909 и на русск. яз. въ „Иск. и печ. Дѣло“ 1910 № 11, стр. 459—468, съ рисунками. Авторъ усматриваетъ особую украинскую группу народнаго искусства отъ средневѣковаго до настоящаго времени, приблизительно 9 или 10 столѣтій. Сдѣланы сравнительныя сопоставленія ковровъ Украины и Норвегіи, мисокъ полтавскихъ и баварскихъ, кувшиновъ въ видѣ медвѣдя изъ Полтавщины и Баваріи (XVI в.) и нѣкотор. др.

17. *Бяляшевскій*, Про украинскій орнаментъ въ Зап. Кіевск. Наук. Товар. III, 40—53 (преимущественно объ украинскихъ вышивкахъ и мережкахъ).

18. *Эйснеръ*, Земскій домъ въ Полтавѣ, въ „Иск. и печат. Дѣло“, 1910, I, небольшой историческій очеркъ, съ рисунками архитектурныхъ работъ Кричевскаго въ украинскомъ стилѣ, параднаго входа, вставокъ надъ окнами, между окнами, дверей и общій видъ дома.

19. *Шевченко, Тарас*, Малюнки. Изд. Петерб. Общ. им. Т. Шевченка 1911 г., по случаю 50-ти лѣтія со времени кончины поэта и художника. Изданіе чистенькое и недорогое (3 р.). Въ него вошли 3 портрета Т. Ш. и 30 снимковъ съ его картинъ и офортовъ петербургскихъ собраній.

20. *Сластѣнъ*, Шевченко у містечстві. Эта интересная, живо написанная статья о Т. Ш., какъ художникъ, на 12 страницахъ заключаетъ въ себѣ отзывы о картинахъ и рисункахъ Т. Ш. Статья на малор. языкѣ.

21. *Кость Широукій*, Офортъ Шевченка „Сама собі в хаті господиня“ въ I кн. „Зап. Н. Товар. Шевч.“ 1911 г. № 1, 101—108. Хорошая статья о вліяніи Рембрандта на Шивч.

22. *Кость Широукій*, О нѣкоторыхъ портретахъ работы Т. Шевченка, большая статья на малор. яз. въ 2 фельетонахъ въ „Радѣ“ 1911 г. №№ 76—77. Сдѣланъ обзоръ портретныхъ рисунковъ Ш. изъ русской и украинской исторіи, портретовъ его друзей, самопортретовъ и опредѣлено ихъ значеніе въ поступательномъ ходѣ русскаго искусства.

23. *В. Капирь*, Выставка художественныхъ произведеній Т. Шевченка въ Кіевѣ, фельетонъ въ „Радѣ“ 1911 г. № 64 на малор. яз.

Данъ отзывъ о 6 портретахъ работы Т. Ш. и о бывшихъ на Кіевской выставкѣ рисункахъ Аральскаго моря.

24. *Е. М. Кузьминъ*, Т. Г. Шевченко, въ „Искусство“ 1911 №№ 2—3. Ясно, стройно и красиво написанная ст. о Т. Ш., какъ художникъ, или, точнѣе, біографическій очеркъ въ кругѣ его художественнаго развитія. Къ статьѣ приложено 18 рисунковъ—портреты Т. Ш., снимки съ его произведеній, изъ бывшихъ на кіевской выставкѣ 1911 г. Статья Кузьмина подтверждаетъ, что Т. Ш. былъ выдающимся художникомъ. Какъ портретистъ, какъ граверъ онъ долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи русскаго искусства.

25. *А. П. Новицкій*, Докладъ о Т. Г. Шевченкѣ, какъ художникъ. А. П. Новицкій, авторъ извѣстнаго двутомнаго изслѣдованія „Исторія русскаго искусства“, въ засѣданіи Общества преподавателей графическихъ искусствъ 24 февр. 1911 г., указавъ на разнообразныя мнѣнія о Т. Г. Шевченкѣ, какъ художникъ, отмѣтилъ „необычайное разнообразіе его таланта; не осталось ни одной области въ живописи, гдѣ онъ не работалъ бы съ успѣхомъ; въ портретной живописи, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, онъ можетъ быть поставленъ въ ряду съ выдающимися портретистами; въ пейзажахъ онъ удивительно улавливалъ поэзію даннаго мѣста, въ религиозныхъ композиціяхъ такая смѣлость, какая проявилась позднѣе у Ге. Въ бытовой живописи Шевченко затронулъ такіе вопросы, которые и въ литературѣ послѣ него только впервые явились у Достоевскаго, такъ что здѣсь живопись опередила даже литературу, чего никогда не случалось въ исторіи искусства. При всемъ этомъ Шевченко былъ истиннымъ сыномъ Украины и вполнѣ народнымъ художникомъ“¹⁾.

26. *Н. Б. и Д. Ш.*, Выставка художественныхъ произведеній Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ, въ „Искусство“ 1911 г. № 3. На выставкѣ безспорно принадлежавшихъ Ш. было 36 рисунковъ, изъ которыхъ значительное число поступило изъ частныхъ собраній и являлись цѣнными новинками. Въ статьѣ дано описаніе содержанія рисунковъ и историческія къ нимъ комментаріи.

27. *Е. К—нъ*, Выставка художественныхъ произведеній Шевченка, въ „Искусство“ 1911 № 3.—Небольшая замѣтка о портретахъ и офортахъ Ш. Портреты напоминаютъ манеру Брюллова; есть очень хорошіе. Въ пейзажѣ Ш. „любилъ облака и великолѣпно чувствовалъ ихъ“. Къ этой статьѣ тѣсно примыкаетъ анонимная замѣтка о выставкѣ въ „Искусство“ 1911 № 2.

¹⁾ Извѣст. Общ. преп. гр. иск. 1911 № 4.

28. *Каталогъ* Шевченковской выставки по поводу 50 л. со дня смерти. М. 1911, 27 стр. и 4 рисунка. Шевченковскія выставки были въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ. О всѣхъ были отзывы въ мѣстныхъ газетахъ. Московская дала еще упомянутый каталогъ, изъ котораго видно, что на Московской выставкѣ было 659 №№, въ томъ числѣ 15 оригинальныхъ рисунковъ Т. Ш., 27 его рукописей, 20 переводовъ на разные языки, 117 музыкальныхъ композицій и пр. Главная часть оригинальные рисунки, откопанные въ частныхъ собраніяхъ. Рецензія на каталогъ въ Зап. Наук. Товар. им. Шевченка 1911 № 3.

29. *С. М.*, Портретъ Лукомскаго работы Шевченка, въ „Искусство“ 1911 № 3. небольшая замѣтка, съ исторической справкой о родѣ Лукомскихъ.

30. *Широцкий*, Иллюстраторы Т. Шевченка, фельетонъ въ „Радѣ“ 1911 № 147, очеркъ иллюстрацій Трутовскаго, Слостѣна, Ижакевича, Микѣшина, Мартиновича и др. Микѣшинъ и Слостенъ выдвигаются, какъ главные.

31. *Е. К—нъ*, Къ конкурсу на памятникъ Т. Г. Шевченка, въ „Искусство“ 1911 № 3, небольшая замѣтка о представленныхъ проектахъ и недочетахъ ихъ.

32. *Грушевскій, М. С.*, Илюстрована історія України, 1911. Большая, интересно составленная книга, со многими иллюстраціями. Уже Аркасъ въ Истории Украины далъ значительное число иллюстрацій; у М. С. Грушевскаго ихъ болѣе (399), и онѣ лучше подобраны, но почти исключительно въ приложеніи старой Украины, до 18 вѣка. Новое время изложено кратко и безъ иллюстрацій. Древній періодъ можно значительно пополнить, напр., портретами Сулимъ (изъ Сулимовскаго Архива), картинкой плѣнника—раба и др.

33. *В. Н. П—въ*, Иллюстраціи въ новомъ изданіи „Исторія Украины“ проф. М. С. Грушевскаго, въ „Искусство“ 1911 № 5. Иллюстраціи разбиты по группамъ, перечислены и, при общей высокой оцѣнкѣ труда проф. Г., высказано пожеланіе, чтобы въ новыхъ изданіяхъ было восполнено число рисунковъ съ иконъ бытового характера, съ старопечатныхъ книгъ и старыхъ вышивокъ.

34. *В. И. Веретенниковъ*, Художественная школа въ Харьковѣ въ XVIII в., въ XIX т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1911 г. и отдѣльно. Небольшое интересное изслѣдованіе о „новоприбавочномъ“ въ Харьковскомъ коллегіумѣ классѣ рисованія, живописи и архитектуры, въ 1765 г., съ особымъ директоромъ и съ подчиненіемъ губернатору, т. е. въ видѣ особой школы, единственной въ Россіи провинціальной художественной школы XVIII в. Директоромъ былъ акаде-

микъ и профессоръ И. С. Саблуковъ. Его учениками были Неминушій, Калченевскій и Маяцкій, учившіся также и у Левицкаго. Школа эта продержалась около 25 лѣтъ.

35. *Миллеръ, А. А.*, Козацкіе пояса, въ XIX т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. въ память Е. К. Рѣдина. Свѣдѣнія о козацкихъ поясахъ скудны. А. А. Миллеръ посвятилъ имъ небольшую, интересную статью, въ которой отмѣчаетъ польское и украинское ихъ производство. Въ орнаментѣ поясовъ обнаруживаются восточные и западные элементы. Къ слову сказать, желательно изучить богатые собранія польскихъ и литовскихъ поясовъ, какія даютъ Шукинское собраніе въ Москвѣ, собранія гр. Красинскихъ въ Варшавѣ, кн. Чартоўскаго въ Краковѣ, Оссолинскихъ въ Львовѣ, гр. Платера въ Рапершвилѣ (вблизи Цюриха).

36. *Широцкий, Кость*, Дещо з української творчости артиста-малюара Тропиніна, въ Зап. Наук. Товар. им. Шевченка 1911 III 98—112. Интересная статья о раннемъ періодѣ дѣятельности Тропинина († 1857) въ положеніи крѣпостного въ Подоліи, преимущественно о портретахъ Кармелюка и иконахъ въ с. Кухавкѣ.

37. *Титовъ, Ѳ. И. проф.*, Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія, въ „Искусство и печат. Дѣло“ 1910 г.—рядъ статей съ рисунками. Встрѣчаются интересныя замѣтки и рисунки по старому украинскому книгоиздательству, преимущественно старо-киевскому, кто переписывалъ книги, какъ украшались онѣ и т. д. Иллюстраціи многочисленны и хороши.

38. *Вознякъ*, Краткая рецензія на ст. проф. Павлуцкаго объ орнаментѣ Пересопническаго Евангелія въ Зап. Наук. Товар. им. Шевченка 1911 III 213. „В украинськѣмъ малярствѣ, говорить Вознякъ, в домонгольску добу і пізніш були грецькі впливи, въ XVII—XVIII вв. гору взяли впливи західні. Дуже мало зосталось від XIII—XIV віків—фрески на стінахъ краківській каплиці в костелі въ Люблині руського мастера Андрія, мініатюра Київської псалтири 1397 р. В XVI в. найбільш цікаві орнаменти Пересопницкого евангелія“. Далѣе Вознякъ по ст. Павлуцкаго характеризуєть особенности этого орнамента—мотивъ плетенки XV в., мотивы ренессанса—акантовый листъ и нагія дѣти.

39. *Н. Ф. Сумцовъ*, Осмотръ музеевъ, въ Южн. Кр. 1911, № 10338. Объ отдѣлахъ Харьк. Универс. музея и практикуемыхъ приемахъ объясненія ихъ.

40. *Н. Ф. Сумцовъ*, Городской Музей ів. № 10345. Проектъ учрежденія Общества любителей искусства при Городскомъ Музеѣ.

41. *Н. Ф. Сумцовъ*, Къ постройкѣ художест. училища въ Харьковѣ, ib. № 10349. Объ украинскомъ стилѣ въ архитектурѣ.

42. *К. М. Бичъ-Дубенскій*, Украинская архитектура, въ харьк. „Утро“ 1910 г. № 1167. Предложеніе строить зданія въ укр. стилѣ и указаніе на новыя постройки въ этомъ стилѣ.

43. *Олексій Новицький*, Служебник святительскій року 1665, въ Зап. Укр. Наук. Товар. въ Кіевѣ 1911 г. кн. 8, 40—52. О мініатюрахъ и орнаментахъ этого памятника, имѣющихъ отношеніе къ старой украинской архитектурѣ и иконописи. Любопытна сцена освященія козацкой хоругви. Портретъ архіерея, предположительно Лазаря Барановича.

44. *Узоры селянскихъ хусточек*, изд. полтавскаго земства, небольшой альбомъ въ 14 таблицъ, очень дешевый (30 коп.), красиво и чисто изданный. Изображены хусточки и въ увеличенномъ видѣ ихъ орнаменты,—прекрасное пособие для школь шитья и рисованія.

45. *Г. Г. Павловичъ*, 22 №№ открытокъ съ точными снимками съ вышивокъ на полотенцахъ Полтавск. губ.—полезное наглядное пособие для изученія украинскаго орнамента.

46. *Труды XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ* 1909, М. 1911 г. т. I—III. Во 2 и 3 томахъ помѣщено много цѣнныхъ статей по исторіи украинскаго искусства съ большимъ количествомъ прекрасно исполненныхъ таблицъ и фототипій. Въ началѣ 3-го тома находится перечень прочитанныхъ на Съѣздѣ докладовъ и въ концѣ протоколы засѣданій. Почти во всѣхъ протоколахъ находятся замѣчанія по исторіи украинскаго искусства.

47. *Бережковъ, М. Н.* Къ исторіи черниговскаго Спасскаго Собора, во 2 т. Труд. XIV Арх. Съѣзда II, 1—28. Преображенскій Соборъ—древнѣйшій храмъ Кіевской Руси. Авторъ говоритъ о времени возникновенія Собора, его историческомъ значеніи, передѣлкахъ, о предполагаемомъ бывшемъ теремѣ при Соборѣ.

48. *Павлуцкій, Г. Г.* Кіевскіе храмы до-монгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византійскому зодчеству, во 2 т. Труд. XIV Арх. С. въ Черниговѣ II, 29—36. Авторъ говоритъ о западной базиликѣ, о формахъ византійскаго зодчества, о древнихъ кіевскихъ храмахъ, какъ послѣднихъ типахъ византійской архитектуры, о храмахъ въ 4 и 6 столповъ, о куполахъ.

49. *Павлуцкій, Г. Г.* О церковныхъ постройкахъ въ стилѣ „Empire“ въ Полтавской губ., во 2 т. Труд. XIV Арх. С. 1911, II, 36—46, съ 6 таблицами, небольшая статья отлично иллюстрирована рисунками и планами и написана въ стройной, красивой формѣ. Послѣ

кратких замѣчаній о веселомъ стилѣ рококо, авторъ говоритъ о серіозномъ, возвышенномъ и изящномъ классическомъ стилѣ Empire, о его многочисленныхъ проявленіяхъ къ Малороссіи (церкви въ Хоролѣ, Хорольскомъ уѣздѣ, Ромнахъ и Лубнахъ).

50. *Павлуцкій, Г. Г.* О происхожденіи формъ украинскаго деревяннаго церковнаго зодчества, въ Труд. XIV Арх. С., II, 47—58, съ 4 табл., изображающими 8 церквей украинскаго стиля въ Полтав. губ. Авторъ отмѣчаетъ отраженіе 3 и 5 купольнаго укр. стиля въ колядкахъ и въ древнихъ миниатюрахъ. По мнѣнію автора, украинскіе 3 и 5 куп. храмы пошли отъ визант. многогранныхъ храмовъ; на Украинѣ выработаны были самостоятельно особыя оригинальныя формы.

51. *Новицкій, А. П.* Черты самобытности въ украинскомъ зодествѣ, въ Труд. XIV Арх. С. въ Черниговѣ, 1911, II, 59—72. Авторъ видитъ въ укр. стилѣ самостоятельное творчество. Подробно разсмотрѣно устройство храмовъ (опасанія, ганки, окна, кресты). Въ концѣ статьи вкратцѣ говорится объ укр. дворѣ и хатѣ.

52. *Миллеръ, А. А.* Лотось въ малорусскомъ орнаментѣ, въ Труд. XIV Арх. С. 1911 г., II, 71—88, съ табл. и рис. Отмѣтивъ большое распространеніе лотоса въ искусствѣ восточныхъ народовъ (индусовъ, персовъ, китайцевъ), авторъ усматриваетъ присутствіе лотоса въ малорусскихъ вышивкахъ, преимущественно церковныхъ. Къ статьѣ приложено три изящныхъ цвѣтныхъ снимка малорусскихъ подризниковъ.

53. *Уварова, гр. П. С.* Церковный Отдѣлъ выставки Черниг. Арх. С. съ 22 табл., въ Труд. XIV Арх. С. 1911 г. II, 96—166, цѣнный трудъ; церковный отдѣлъ выставки въ количествѣ 1843 №№ описанъ полностью—иконы, статуи, кресты и пр. Видно вліяніе западнаго искусства, самобытность многихъ формъ и типовъ; видны поэтическія воззрѣнія народа, традиціонная символика; интересны орнаменты на царскихъ вратахъ, переплетахъ и т. д. Многіе иконописные мотивы были хорошо представлены, напр., 8 иконъ „Недреманнаго ока“.

54. *Горностаетъ, Ѳ. Ѳ.* Строительство графовъ Разумовскихъ въ Черниговщинѣ, въ Труд. XIV Арх. С. 1911, II 167—213. Со многими таблицами и рисунками. Первая статья даетъ описаніе Козелецкаго собора, грандіознаго сооруженія знаменитаго зодчаго XVIII в. Растрелли, съ богатой внутренней отдѣлкой; приложено много рисунковъ. Вторая статья о Трехсвятительской церкви въ с. Лемешахъ, третья—о Батуринскомъ дворцѣ, четвертая о соборѣ и дворцѣ въ Почепѣ, пятая—о дворцѣ въ Ляличахъ; всѣ статьи—особенно

послѣдняя—превосходно иллюстрированы многочисленными фототипиями. Ляличи гр. Завадовскаго снабжены 23 таблицами, въ томъ числѣ 3 цвѣтными.

55. *Горностаевъ, Ѳ. Ѳ.* Иконостасъ кисти В. Л. Боровиковскаго, съ 10 табл., въ Трудахъ XIV Археолог. Съѣзда 1911, 213—218. Пре-восходный, богато иллюстрированный вкладъ въ исторію русскаго искусства. Иконостасъ находится въ с. Романовкѣ, Мглинскаго уѣзда, Черниговск. губ., церковь и иконостасъ въ стилѣ Empire, иконы кисти Боровиковскаго, высокой художественной цѣнности.

56. *Пчілка, Олена.* Малювання на українських мисках, въ Рідн. Краї 1910 г., и отзывъ П. въ Радѣ 1910. № 282—указанія на литературу и образцы узоровъ на мискахъ изъ Опошны, Полтавск. губ.

57. *Широцкій, Костъ,* Де що з української іконографії, въ Радѣ 1911 г. № 168, небольшая, но весьма интересная статья объ имѣющейся у автора своеобразной украинской иконѣ—образѣ св. Троицы; всѣ три ипостаси на коняхъ, которые тутъ являются символами апостоловъ, на основаніи пр. Захаріи, пр. Аввакума, средневѣковыхъ bestiаріевъ.

58. *Широцкій, Костъ.* Украинскій національний колір, въ Радѣ 1911 №№ 179 и 196 Проф. Антоновичъ украинскимъ національнымъ цвѣтомъ считалъ красный цвѣтъ; Широцкій сгруппировалъ значительное число доводовъ въ пользу желто-синяго цвѣта.

59. *Смирновъ, Я. И.* Описаніе польскаго сборника портретовъ XVII вѣка, въ Труд. XIV Арх. С. 1911 г. III, 387—466, съ таб. изобр. 20 портретовъ, въ томъ числѣ укр. козаковъ Подковы, Голубка, еписк. Іосафата Кунцевича. Въ текстѣ даны подробныя историческія и біографическія свѣдѣнія. Интересны портреты, одежда, головные уборы, прическа.

60. *Нашъ,* Церква-писанка, въ Радѣ 1910 г. № 242, фельетонъ—описаніе новой церкви въ предмѣстьѣ Каменецъ-Подольска Русскихъ Фольваркахъ, расписанной священникомъ Филоненкомъ съ привнесеніемъ украинскихъ элементовъ въ иконописи и въ орнаментъ; по отзывамъ очевидцевъ церковь производитъ художественное впечатлѣніе.

61. *Ч-ий,*—Церковь въ украинскомъ стилѣ, въ иллюстр. прилож. Нов. Времени 1911 № 12736 и въ Радѣ 1911 № 200, небольшая статья о новопостроенной церкви въ с. Плишивцахъ гадяцк. у. полтавской губ., подражаніе Новомосковскому собору. Прилож. рисунокъ церкви и портретъ архіеп. Парфенія.

62. *Г. И.* Народныя школы въ украинскомъ стилѣ, въ Радѣ 1911 г. № 207. Лохвицкое земство строить 22 училищныхъ зданія въ украин-

скомъ стилѣ. Высказано пожеланіе выработать для школьныхъ зданій дешевую орнаментику.

63. *К. Бичъ-Дубенскій*, Безсильная злоба. Замѣтки въ 1456 № Харь- „Утра“ по поводу неудачнаго выхода архит. Д. противъ украинскаго стиля. Авторъ обвиняетъ арх. Д. въ узости и односторонности, что онъ признаетъ только увражъ (посobie), и не цѣнить творчества. Въ поучительный примѣръ приведено созданіе новой финнской архитектуры.

64. *В. Копиръ*. Про потребу стилю в домашнему життю, въ Радѣ 1911 №№ 212—214, три фельетона. Авторъ проводитъ идею украина- зации въ искусствѣ и бытѣ, съ указаніемъ, какъ на примѣръ, достой- ный подражанія, на развитіе поляками Закопанскаго архитектурнаго стиля (м. Закопане вблизи Кракова). Въ концѣ статьи проводится мысль о необходимости художественнаго изданія, всецѣло посвящен- наго художественнымъ интересамъ Украины.

65. *Н. Н. Ге*. Кіевская Первая гимназія въ 40-хъ годахъ, въ „Ис- кусство“ 1911 № 8. Воспоминанія извѣстнаго художника Ге (1831—1894) о пребываніи его въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ, о Н. И. Костомаровѣ, какъ учитель гимназіи. Интересны рисунки Ге по дѣтскимъ воспомина- ніямъ—портретъ Костомарова и похороны ребенка въ Каменецъ-По- дольской губерніи. Послѣдній рисунокъ исполненъ во Флоренціи въ 1866 г. Этотъ рисунокъ интересенъ въ этнографическомъ отношеніи, бытовая картинка похоронъ ребенка; везуть гробикъ на саняхъ; на верху гробика платокъ и хлѣбъ.

66. *Картины* церковной жизни Черниговской епархіи изъ 9 вѣковой ея исторіи, Кіевъ, 1911, изд. Черниг. епархіи, богато иллюстрирован- ный томъ (около 300 автотипій и 60 фототипій); въ книгѣ есть ху- дожественный матеріалъ, старинный украинскій орнаментъ, снимки съ клише XVII—XVIII ст. Интересная заставка XVII в. (двѣ птицы)— помѣщена въ Искусствѣ 1911 № 8.

Н. Ф. Сумцовъ.

Новая Сорбонна.

Отъ пониженія уровня общаго, гуманнаго образованія страдаетъ западная Европа, гдѣ это образованіе, такъ сказать, въ воздухѣ носится. Ужели намъ, съ нашей дѣвственной культурой броситься, очертя голову, въ тотъ омутъ, на краю котораго ее стараются удержать лучшіе люди? Ужели человѣчество четыре столѣтія работало для того, чтобы дойти до того же гибельнаго развитія утилитарнаго, спеціальнаго обученія, отъ котораго насъ спасъ гуманизмъ? ¹⁾.

А. И. Курчичиковъ.

Въ 1910 г. на страницахъ „Opinion“ появлялись статьи за подписью *Agathon*, направленные противъ современныхъ методовъ преподаванія въ старой Сорбоннѣ. Весною этого года статьи *Agathon*'а вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ—„L'Esprit de la Nouvelle Sorbonne. La crise de la culture classique. La crise du français“ ²⁾.

Во французскомъ образованномъ обществѣ уже нѣсколько лѣтъ замѣчается недовольство современными профессорами Сорбонны, ихъ *новыми* методами преподаванія гуманитарныхъ наукъ. Сперва раздалось нѣсколько голосовъ противъ учрежденія, прославившагося во всемъ цивилизованномъ мірѣ своею многовѣковою культурною дѣятельностью и давшаго цѣлый рядъ блестящихъ спеціалистовъ, съ трудами которыхъ считаются ученые стараго и новаго свѣта. Голоса эти исходили изъ самыхъ противоположныхъ лагерей: забили тревогу одновременно крайніе радикалы, нео-монархисты, бывшіе воспитанники Нормальной школы; всѣ они отстаивали права *французской классической культуры* противъ все увеличивающихся натисковъ *филологін*. Впослѣдствіи времени къ этимъ голосамъ присоединились преподаватели средней школы. За послѣдніе годы полемика съ Сор-

1) Педагогическіе очерки (1867—1888). Москва, 1890.

2) Paris. Mercure de France. MCMXI. 376 pages.

бонною усилилась: новыя реформы, новыя программы успѣли уже принести плоды, и къ числу противниковъ *новой* Сорбонны стали, мало по малу, присоединяться и тѣ, кто раньше привѣтствовалъ реформу преподаванія на словесномъ факультетѣ Парижскаго университета.

Въ полемикѣ приняли самое дѣятельное участіе журналы, въ особенности „Temps“ и „Journal des Débats“.

Agathon винить въ новой реформѣ Германію. Культъ германской науки во Франціи начался задолго до 1870 г.: уже въ 1848 г. молодой Эрнестъ Ренанъ посвятилъ свою извѣстную статью „Avenir de la science“ филологіи—„science suprême“. Идеи Ренана побѣдили учителей того поколѣнія, которое теперь обучаетъ во французскихъ школахъ, и *старыя* программы замѣнены *новыми* съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій университетъ сталъ идеальнымъ типомъ высшей школы, а созданная Дюрюи *Ecole pratique des Hautes Etudes*—нѣчто въ родѣ нѣмецкаго семинарія—послужила образцомъ для реформаторовъ Сорбонны. Это старое учрежденіе ставило себѣ раньше главною задачею давать учителей, воспитателей юношества, но не ученыхъ. Теперь же Сорбонна представляетъ собою исключительно специальную школу для филологическихъ разысканій: изъ программы исключены философія, всеобщая исторія, и преподаваніе приноровлено къ практическимъ, утилитарнымъ потребностямъ времени...

По словамъ Agathon'a Сорбонны теперь не узнать: все то, что прежде входило въ кругъ преподаванія, ниспровергнуто: философія, исторія, литература, *studia humaniora*..., но за то много говорятъ о библіографіи: изученіе автора, его идей замѣнено комментариемъ филологическимъ, изученіемъ источниковъ, філіаціей текстовъ... Въ чемъ же заключается знакомство съ тѣмъ или другимъ писателемъ? Анализируется его словарь, его синтаксисъ! У всѣхъ учениковъ въ рукахъ „Introduction aux études historiques“ Сеньобоса и Ланглуа—тяжелая книга, скопированная съ „Lehrbuch“ Bernheim'a; къ ученикамъ предъявляются строгія требованія: „вы должны сдѣлать только это; будете работать только такъ; все, чего вы достигнете инымъ путемъ—уже не будетъ наукой!“...

Заль (Etude), гдѣ студенты изучаютъ Монтеня, Корнеля, Вольтера, носитъ теперь названіе „Laboratoire de philologie française“; это—„atelier de manipulations scientifiques sur des textes français“. Если вы откроете дверь, услышите: „il convient, messieurs, de nettoyer vos instruments avant de vous en servir“!. Это слова Сеньобоса, развѣнчивающаго Фюстель де Куланжа...

Въ этомъ учрежденіи профессоръ исторіи литературы читаетъ въ теченіе трехъ лѣтъ „bibliographie d'histoire littéraire“ XVII и XVIII вѣковъ; за три года слушатели, не зная Мольера, Расина, Руссо, знакомятся съ длиннымъ спискомъ всѣхъ изданій сочиненій этихъ писателей, знакомятся съ критикой изданій, съ комментаріями. Такая страсть къ бібліографіи въ концѣ концовъ стираетъ въ Сорбоннѣ литературу и послѣдняя превращается въ *каталогъ*...

На лекціи профессора, читающаго исторію литературы и изучающаго со студентами лирика-классика, слушателямъ въ большомъ введеніи сообщается о рукописяхъ, бібліографіи, датахъ; наконецъ, подходятъ къ самому литературному произведенію, причемъ съ послѣднимъ студенты не имѣютъ возможности ознакомиться: цитируются только нѣмецкіе компиляторы, итальянскіе филологи; на объясненіе одного слова идетъ полъ часа. Лекція кончается; слушатели успѣли познакомиться только съ двумя стихами и ни слова не услышали о литературныхъ достоинствахъ разобранной лирической пьесы...

Какимъ же образомъ комментируется текстъ согласно *новымъ* методамъ? Профессоръ посвящаетъ цѣлую лекцію разысканіямъ, почему въ одномъ изданіи „Baghâvat'ы“ Леконта де Лиля (Lisle) говорится о львѣ „ventre blanc“, а въ другомъ „ventre jaune“. По поводу этихъ выраженій профессоръ говоритъ цѣлый часъ и заключаетъ свою лекцію замѣчаніемъ, что поэтъ „aurait dû écrire *ventre blanc et jaune*, car le lion a le ventre blanc strié de jaune“... Вотъ въ чемъ состоитъ иногда *научный комментарий*, замѣчаетъ Agathon. И такой комментарий представляетъ собою цѣлый курсъ! Литература становится только дѣломъ памяти; о воспитаніи вкуса не можетъ быть и рѣчи. Это—„scholastique du matérialisme“...

Новые методы преподаванія отражаются, конечно, и на письменныхъ работахъ слушателей Сорбонны: для сочиненій предлагаются темы—„Глаголь и прилагательное у Монтэня“, „Subjonctif у Гейне“, „Subjonctif у Ленау“... Пишутся работы въ сто страницъ на тему: „Синтаксисъ Сидонія Аполлинарія“, „Infinitif у Сидонія Аполлинарія“, „Ablatif у Апулея“, „Въ какихъ случаяхъ у Плавта и Теренція въ существительныхъ на *um* это *um* эллидируется передъ послѣдующей гласной, въ какихъ—нѣтъ“... Защищается диссертация (thèse) на тему: „La Louisianne dans l'oeuvre de l'abbé Prévost“. Авторъ такой работы въ сто страницъ удостоивается отзыва: „excellent travail! c'est un recueil de faits“... Такая работа основана на нѣсколькихъ строкахъ послѣдней главы „Manon Lescaut“, гдѣ Прево, какъ извѣстно, говоритъ о Луизианѣ!...

Темы, предлагаемая студентамъ, по мнѣнію Agathon'a возвращаютъ насъ къ александрійской эпохѣ, когда ученые интересовались количествомъ гребцовъ у Улисса и пытались разрѣшить вопросъ, почему Гомеръ началъ перечисленіе кораблей съ кораблей беотійскихъ.

Сторонники *новыхъ* методовъ, являясь противниками *старыхъ* программъ, указываютъ, между прочимъ, что литературное образованіе даетъ только диллетантовъ, артистовъ въ то время, когда нужны работники—*des travailleurs, des producteurs*.

Леруа Болье на страницахъ „Journal des Débats“ ¹⁾ съ грустью отмѣчаетъ, что молодые люди, оканчивающіе Сорбонну, плохо владѣютъ роднымъ языкомъ. „Явленіе тревожное, говоритъ почтенный ученый; зло растетъ. Во французскомъ письмѣ исчезаетъ то, что составляло на протяженіи трехъ столѣтій главное достоинство французской литературы и науки ²⁾. Изъ лицеевъ и коллежей выходятъ люди (иногда магистры), неумѣющіе писать. Я не приношу въ жертву *суть*, я не противъ метода критическаго и научнаго—все это стараюсь я внушить моимъ слушателямъ, но... развѣ не необходимо для нашей молодежи умѣть выразить то, что она знаетъ и думаетъ? И наши будущіе дипломаты, администраторы, финансисты, политическіе дѣятели, соціологи такъ плохо подготовлены, когда они выходятъ изъ школы, что не слѣдуетъ ли ихъ обучать тому *послѣ школы*, чему забыли ихъ обучить *въ школѣ*?“.

Извѣстный критикъ Рене Думикъ также выступаетъ противъ Сорбонны ³⁾: „до сихъ поръ еще въ Сорбоннѣ изучаютъ *chefs d'oeuvre* нашей литературы, но только съ одной цѣлью—знать соотношеніе между текстами, познакомиться съ исторіей текста, съ перечнемъ изданій. Конечно, этимъ пренебрегать нельзя! Но вѣдь это только аксессуары, но не главное, не существенное и, во всякомъ случаѣ, не для юношей. Въ изученіе литературы хотятъ ввести методы, примѣняемые къ наукѣ; въ область наукъ моральныхъ ввести *аппараты физическіе*... Такимъ образомъ, впадаютъ въ суевѣріе, въ дѣтство!... Одна изъ аудиторій Сорбонны называется „Laboratoire de philologie française“... о science, que de sottises on aura commis en ton nom! И на

¹⁾ 24 Août, 1910.

²⁾ Этому вопросу посвящена интересная статья Штапфера въ „La Revue“ (1911, III) „La crise du français“, въ которой авторъ указываетъ на безграмотность современной французской молодежи.

³⁾ „Gaulois“, 1910.

экзаменахъ обнаруживается жалкая посредственность; нѣтъ больше личности, индивидуальности... Талантъ перестаетъ нравиться!“.

На страницахъ „Temps“ въ статьѣ „Le français en Sorbonne“ указывается также на современные методы преподаванія въ Сорбоннѣ: „меньше всего тамъ занимаются литературой; родной языкъ въ пренебреженіи. Говорятъ на различныхъ языкахъ—нѣмецкомъ, англійскомъ, русскомъ, румынскомъ, венгерскомъ, не считая того жаргона, который свойственъ соціологу, но за очень немногими исключеніями не пишутъ по французски“.

Въ защиту *новой* Сорбонны выступили нѣкоторые изъ ея профессоровъ. Отвѣчалъ *критикамъ* и А. Круазэ въ „Revue internationale de l'Enseignement“: „Сорбонна полагаетъ, что наилучшій способъ служенія наукъ и любви къ родинѣ—образовать такихъ молодыхъ людей, которые были-бы способны пойти дальше учителей по пути, ведущему къ болѣе совершенному знанію, образовать свободные, хорошо вооруженные умы, знающіе, какъ дѣлается наука (comment se fait la science)“...

Несомнѣнно, въ статьяхъ Agathon'a, вызвавшихъ такое сильное волненіе во французскомъ (главнымъ образомъ, въ парижскомъ) образованномъ обществѣ, есть извѣстная доля гиперкритики.

Въ наше время никто не станетъ отрицать значенія тѣхъ методовъ, которые примѣняются въ Сорбоннѣ при изученіи литературныхъ памятниковъ (въ особенности литературъ древнихъ); никто не станетъ оспаривать значенія критики текстовъ, но ограничиваться только *этимъ* при изученіи литературы высшая школа не можетъ. Университеты и факультеты—не лабораторіи ученыхъ; преждевременная спеціализація не даетъ тѣхъ *образованныхъ* людей, которые такъ нужны каждой странѣ...

Извѣстно, что въ послѣднее время въ Германіи стали сознать крайности именно тѣхъ методовъ преподаванія гуманитарныхъ наукъ, которые являются краеугольнымъ камнемъ обученія будущихъ учителей средней школы въ *новой* Сорбоннѣ. Въ Германіи высказывается уже опасеніе, что *такіе* методы угрожаютъ культурѣ. И въ нѣмецкой печати указывается на современный нѣмецкій стиль (слишкомъ тяжелый!), какъ на результатъ *узкой спеціализаціи*. По словамъ Теодора Вольфа „общая культура замѣняется спеціальностью“... ¹⁾.

¹⁾ „Berliner Tageblatt“, 24, VIII, 1910.

На *четырнадцатомъ* съѣздѣ неофилологовъ въ Цюрихѣ въ 1910 г., ректоръ Женевскаго словеснаго факультета Бернардъ Бувье настаивалъ на возстановленіи *эстетическаго анализа* на ряду съ научными комментаріями: „быть художникомъ при преподаваніи литературы такъ-же важно, какъ быть моралистомъ и ученымъ“. По мнѣнію Бувье, изученіе литературы „*implique l'esprit scientifique et la critique esthétique*“; различные методы должны гармонически приводить къ *позна- нію* великихъ писателей, и этого не должны были бы забывать фран- цузскіе теоретики... ¹⁾.

Покойный Гастонъ Парисъ своими крупными трудами въ области романской филологіи ²⁾ и изслѣдованіями въ области фран- цузской литературы ³⁾ можетъ служить показателемъ для *новой* Сорбонны, какъ тонкая критика текста и детальный филологическій комментарий идутъ рука объ руку съ изученіемъ литературы. Аудито- рія покойнаго профессора Collège de France, пользовавшагося міровою извѣстностью, знакомилась и съ средневѣковыми текстами и съ ли- тературными памятниками, но не съ одной библіографіей, не съ однимъ сухимъ перечнемъ изданій...

И изъ аудиторіи Гастона Париса выходили ученики—филологи, не приносившіе въ жертву тѣмъ методамъ, которыхъ *исключительно* придерживается въ послѣднее время Сорбонна, литературныхъ про- изведеній—этихъ памятниковъ чувствъ и мыслей той или другой эпохи...

Ужели голоса Ле-Руа Болье, Рене Думика, той молодежи, кото- рая взываетъ къ профессорамъ „обращающимся въ схоластиковъ“ ⁴⁾, не побѣдятъ „новой“ Сорбонны?!

„Ужели человечество четыре столѣтія работало для того, чтобы дойти до того-же гибельнаго развитія утилитарнаго, спеціальнаго обученія, отъ котораго насъ спасъ гуманизмъ?“ ⁵⁾.

Серг. Соловьевъ.

¹⁾ La lecture analytique, Marbourg in Hessen, № 9. Elvertsche Verlags- buchhandlung. 1910.

²⁾ См. издание „La chanson de saint Alexis“ и др. текстовъ, „Mélanges lin- guistiques“.

³⁾ См. „Histoire poétique de charlemagne“ и др.

⁴⁾ Agathon, о. с.

⁵⁾ А. Кирпичниковъ, Педагогическіе очерки.

Извѣстія и замѣтки.

1. Въ послѣднее время вышли въ свѣтъ слѣдующіе труды проф. Д. И. Багалъя. 1) Курсъ русской исторіи, читанный студентамъ Харьковскаго университета, ч. 1-я (до половины XIII в.—до-монгольскій періодъ) и вып. 1-й второй части (съ половины XIII до половины XVII в.—удѣльный и московскій періоды). Курсъ изданъ Обществомъ взаимопомощи студентовъ-филологовъ подъ ред. В. А. Барвинскаго. 2) Очерки изъ русской исторіи т. I, содержащіе статьи по исторіи культуры и просвѣщенія въ бывшей Слободской Украинѣ—нынѣшней Харьковщинѣ. Въ книгѣ собрано 38 статей, большая часть которыхъ ранѣе была напечатана въ разныхъ провинціальныхъ мало распространенныхъ изданіяхъ и оставалась мало доступною даже для специалистовъ. Книга издана Историко-филологическимъ Обществомъ и представляетъ собою извлеченіе изъ XX т. его „Сборника“, изданнаго въ честь проф. Д. И. Багалъя. 3) Полное собраніе сочиненій, писемъ и бумагъ В. Н. Каразина, собранныхъ и отредактированныхъ проф. Д. И. Багалъемъ (XIX+926 стр., съ рисунками и портретами). Многое изъ помѣщенного здѣсь появляется въ печати впервые и представляетъ собою результатъ архивныхъ разысканій Д. И. въ столичныхъ и мѣстныхъ хранилищахъ. Заключающійся въ книгѣ матеріалъ, въ своей совокупности, открываетъ возможность разобраться въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ о дѣятельности В. Н. Каразина, о его личности, и самостоятельно судить объ основательности тѣхъ или иныхъ мнѣній. Книга относится къ серіи изданій, предпринятыхъ Харьковскимъ университетомъ къ его 100-лѣтнему юбилею; вся выручка отъ продажи ея предназначена на учрежденіе преміи имени В. Н. Каразина для студентовъ университета.—Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ: 1) Вторая половина VIII тома „Народной энциклопедіи“, заключающая краткую систематическую исторію Россіи подъ редакціей Д. И. Багалъя, съ картами и снимками съ памятниковъ; объемъ книги предположенъ въ 20 печатныхъ листовъ. 2) Второй томъ исторіи г. Харькова, обнимающій исторію города въ XIX в. Этотъ трудъ составленъ Д. И. совмѣстно съ Д. П. Миллеромъ и является обширнымъ изслѣдованіемъ преимущественно по архивнымъ матеріаламъ; книга будетъ богато иллюстрирована фототипіями и цинкографіями; издается она на средства городского общественнаго управленія. Начато печат-

таніе II-го тома „Очерковъ изъ русской исторіи“ Д. И. Багалѣя; книга будетъ заключать въ себѣ монографіи и статьи по исторіи Слободской украины. Кромѣ того, Д. И. Багалѣемъ подготавливается къ печати, въ его редакціи, I-й томъ Русской исторіи; книга будетъ иллюстрирована многими рисунками и снимками съ памятниковъ и выйдетъ въ изданіи Сытина. Русская исторія Д. И. Багалѣя въ его собственной редакціи появится въ печати впервые.

2. Общество взаимопомощи студентовъ филологовъ Харьковскаго университета издало *курсъ лекцій проф. Н. В. Петушила*, читанныхъ имъ въ Харьк. унив. и на Харьк. высш. женск. курсахъ—«*Обзоръ римской исторіи*» (Х. 1912 г.). Этотъ курсъ (410 стр.) обнимаетъ всю римскую исторію—эпоху царей, республику, имперію. Въ концѣ книги видное мѣсто занимаетъ римская исторіографія, римскіе и греческіе авторы, надписи, монеты, археологія, книжныя пособія.

3. *Е. А. Черноусовъ*, Очерки по исторіи Римской имперіи 180—235 г.г. (Подготовка смуты III в.) 273+XXXVIII стр. Харьковъ 1911. Авторъ на основаніи изученія первоисточниковъ (Діонъ Кассій, Геродіанъ, *Scriptores historiae Augustae* и надписи), оцѣнкѣ коихъ посвящена первая глава «Очерковъ», стремится выяснитъ въ отдѣльных частяхъ своей работы положительныя политическія идеи эпохи (гл. II) и въ pendant къ этому характеръ, принятый въ данное время верховною властью (гл. III), затѣмъ даетъ краткую характеристику носителей этой власти (гл. IV) и, наконецъ, характеристику трехъ главнѣйшихъ факторовъ римской государственности, т. е. сената, арміи и населенія (V—VI гл.). Касаясь, главнымъ образомъ, политической стороны изучаемыхъ событій, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. Власть неуклонно стремится къ превращенію въ деспотизмъ по восточному образу, не отвѣчая даже самымъ скромнымъ требованіямъ положительнаго свойства. Этотъ фактъ на ряду съ полной деморализаціей сената и арміи и революціоннымъ настроеніемъ низовъ населенія дѣлаетъ надвигавшуюся смуту неизбежной. Въ приложеніи помѣщенъ переводъ рѣчи Мецената къ Августу о преимуществахъ монархическаго строя передъ республиканскимъ (*Cas. Dio LII, 14—40*).

4. *Проф. В. П. Бузескулъ* въ настоящее время готовитъ къ печати свои лекціи по исторіи Греціи.

5. *Проф. С. М. Кулбакинъ* готовитъ къ печати 2-ю часть своего труда „Древне-церковно-славянскій языкъ“ (морфологія и тексты со словарикомъ). Въ морфологію войдетъ и ученіе о словообразованіи.

6. *Проф. Н. М. Эндзелингъ* выпустилъ въ свѣтъ „Славяно-балтійскіе этюды“ (208 стр.). Въ диссертациі рѣчь идетъ о славяно-балтійскомъ

праязыкъ. Сближеніе формъ въ области фонетики, морфологіи и синтаксиса. Словарикъ изъ словъ сходныхъ въ языкахъ русскомъ, прусскомъ и литовскомъ. Выводъ тотъ, что славянская рѣчь отличалась отъ балтійской уже въ эпоху индоевропейскаго языка.

7. Въ теченіе этого года выйдутъ „Историко-литературныя очерки“ проф. С. В. Соловьева, въ двухъ томахъ. Первый томъ посвященъ исключительно романтизму—романтическая поэтика во Франціи, о предкахъ французскаго романтизма, Викторъ Гюго. Здѣсь, между прочимъ, проводится мысль, что первымъ романтическимъ манифестомъ во Франціи было не знаменитое „Préface de Cromevel“ В. Гюго, а предисловіе Форіэля къ переводамъ трагедіи Манцони, поэмы Баггесена и діалоги Висконти. Во второй томъ войдутъ статьи, главнымъ образомъ, по исторіи средневѣковыхъ литературъ, эсхатологическія поэмы, предшествующія Данте, культура массалиотовъ, послѣдній миннезингеръ, неизданные славяно-русскіе варианты „Григорій на камнѣ“, Гартманъ ф. д. Ауэ и др.

8. Б. А. Лезинъ. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Харьковъ, т. I, 2 изд. 1911, т. III 1911г. Харьковъ не богатъ научными изданіями. „Вопросы“ Лезина заняли среди нихъ видное мѣсто. Это изданіе успѣло обратить на себя вниманіе научной критики по богатому внутреннему содержанію. Въ переработанномъ 1 томѣ 2 изданія (432 стр.) находится рядъ статей Овсяннико-Куликовскаго, Тиандера, Горнфельда, Харціева, Аничкова по теоріи поэтическаго творчества вообще, драмы въ частности. Въ педагогическомъ отношеніи интересна статья В. И. Харціева о психологіи поэтическаго творчества въ примѣненіи къ воспитанію. Третій томъ (255 стр.) заключаетъ въ себѣ очеркъ театра въ Западной Европѣ и Россіи проф. Тиандера. Въ содержательномъ изложеніи и стройной формѣ тутъ рѣчь идетъ о народныхъ играхъ, какъ проявленіи драматизма, далѣе о мистеріяхъ, моралите, фарсахъ, фастнахтшпилѣ, гуманистической драмѣ, Comedia dell'arte, испанскомъ театрѣ, Шекспирѣ, La Comédie française, классическомъ театрѣ въ Германіи, театрѣ XX вѣка, старинномъ театрѣ въ Россіи, школьныхъ драмахъ, театрѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ, ложно-классическомъ театрѣ въ Россіи, театрѣ бытовомъ (Пушкинъ, Грибодовъ, Гоголь, Островскій, А. Толстой, Л. Толстой), наконецъ о театрѣ настроенія (Чеховъ, Горькій, Андреевъ).

9. Поступилъ въ продажу изданный И. Харьковскимъ университетомъ *сборникъ* статей о покойномъ почетномъ членѣ Харьк. унив. Л. Н. Толстомъ, подъ заглавіемъ „Памяти Л. Н. Толстого“. Сборникъ состоитъ изъ 5 рѣчей, прочитанныхъ профессорами Н. Ф. Сумцовымъ,

А. П. Кадлубовскимъ, С. В. Соловьевымъ, Н. А. Фатѣевымъ и Д. И. Багалѣемъ на торжественномъ собраніи Совѣта университета и И. Ф. Общества въ память Л. Н. Толстого.

10. Въ Одессѣ недавно вышло *изслѣдованіе М. Е. Слабченка* „Опыты по исторіи права Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ“ слѣдующаго содержанія: Акцесъ или порядокъ канцелярскій. Наказанія въ жизни и въ правѣ. Casus notabilis. Договоры въ правобережной Малороссіи XVIII в.. „Сябры“. Авторъ, между прочимъ, пользовался архивными матеріалами Харьковскаго Историческаго Архива, состоящаго при И. Ф. Обществѣ.

11. *Попруженко, М. Г., Одесская городская публичная бібліотека (1830—1910)*, 84 стр. Историческій очеркъ возобновленія и развитія Одесской публичной бібліотеки изложенъ въ связи съ внутренней исторіей одесскаго общества въ содержательной и стройной формѣ, съ приложеніемъ портретовъ главныхъ дѣятелей А. И. Левшина и М. М. Толстого.

12. Небольшая, но весьма интересная статья *Д. И. Эварницкаго* въ Историч. Вѣстникѣ даетъ новый матеріаль для біографіи украинскаго этнографа Н. В. Закревскаго (1805—1871), составителя „Старосвѣтскаго Бандуриста“. Къ статьѣ приложенъ портретъ Закревскаго, ранѣе неизвѣстный въ печати. Новый цѣнный матеріаль взятъ изъ авторскаго экземпляра „Старосв. Бандур.“, приготовленнаго для втораго изданія съ большими дополненіями, но не изданнаго. Экземпляръ этотъ найденъ у одного московскаго антиквара.

13. Скончавшійся около десяти лѣтъ тому назадъ историкъ Малороссіи, уроженецъ и помѣщикъ Конотопскаго уѣзда, *А. М. Лазаревскій* значительную часть своихъ *историческихъ коллекцій и рукописей* завѣщалъ Конотопскому уѣздному земству на образованіе въ г. Конотопѣ историческаго музея. Въ послѣднемъ собраніи Конотопскаго земства обсуждался вопросъ, что дѣлать съ „наслѣдствомъ Лазаревскаго“. Собраніе постановило передать ихъ въ историческій музей Черниговской ученой архивной комиссіи. Всѣ эти вещи недавно получены Черниговскимъ историческимъ музеемъ. Особенной „музейной цѣнностью“ среди этихъ предметовъ обладаетъ икона Ахтырской Божьей Матери съ орнаментами и портретъ польскаго гетмана Яна Тарновскаго († 1561). Среди собранныхъ бумагъ Лазаревскаго имѣется, много интересныхъ историческихъ документовъ (Утро Россіи, 1911. № 193, Рада № 186).

14. По выслушаніи доклада проф. Д. И. Багалѣя на вакантную кафедру русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ историко-филологическій фекултатъ единогласно избралъ прив.-доц. Харьк. лнив. *В. И. Савву*.

15. По выслушаніи доклада проф. Я. А. Денисова въ приватъ-доценты греческаго языка въ Харьк. универс. избранъ прив.-доц. Новороссійскаго университета *Кагаровъ*, о научныхъ трудахъ котораго имѣются похвальные отзывы проф. Линниченка и проф. Штерна.

16. *Участіе Х. И. Ф. Общества* въ чествованіи памяти Н. И. Костомарова по поводу 25-лѣтія со времени его кончины. На торжественномъ засѣданіи Воронежской Архивной Комиссіи, посвященномъ памяти Н. И. Костомарова, присутствовалъ членъ И. Ф. Общества, ректоръ Харьковскаго университета Д. И. Багалъй. Отъ имени Историко-филологическаго общества послана телеграмма, что „Общество присоединяется къ чествованію памяти Н. И. Костомарова, какъ славнаго дѣятеля науки, имя котораго тѣсно связано съ лучшими гуманными стремленіями къ просвѣщенію и народности, достойнаго питомца Харьковскаго университета“.

17. Проживающій постоянно въ Харьковѣ извѣстный художникъ *С. И. Васильковскій* готовитъ къ изданію *альбомъ украинскихъ народныхъ орнаментовъ*, зарисованныхъ съ находящихся въ музеяхъ памятниковъ старины.

18. Въ конкурсѣ на *устройство фасада Харьковскаго художественнаго училища* въ украинскомъ стилѣ приняли участіе 18 лицъ, представившихъ проекты зданія съ фасада и боковой стороны, съ приложеніемъ объяснительныхъ записокъ 2 октября состоялось жюри для выбора трехъ проектовъ. Число доставленныхъ проектовъ крупное, особенно, если принять во вниманіе незначительную сумму премій, краткій двухмѣсячный срокъ для разработки, разбросанность и малую доступность пособій, а также то обстоятельство, что основной планъ зданія предрѣшенъ ранѣе и художники были связаны опредѣленными заданіями. Жюри собралось въ полномъ составѣ, за исключеніемъ профессора кievскаго университета Г. Г. Павлуцкаго, не пріѣхавшаго по болѣзни. Присутствовали архитекторы В. В. Величко, г. Покровскій, З. Ю. Харманскій, художники С. И. Васильковскій и М. А. Беркосъ, С. А. Раевскій, Н. Ф. Бѣляшевскій. Осмотрѣвъ и обсудивъ сначала всѣ проекты, жюри остановилось главнымъ образомъ на семи, какъ наиболѣе отвѣчавшихъ заданіямъ со стороны художественной и конструктивной. Первая премія въ четыреста рублей присуждена автору проекта „За вызволенія“, вторая премія въ 200 рублей—за проектъ „Украина“ и за сто рублей пріобрѣтенъ проектъ „Доля“. Кромѣ того, по рекомендаціи жюри музейная комиссія пріобрѣла для города проекты: „Черный Воронъ“, „Два Лебедя“, „Украинскій барокко“ и „Мазепа“. Авторами премированныхъ проектовъ оказались харьковцы Жуковъ и Тракаль.

Протоколы засѣданій Историко-Филологическаго Общества ¹⁾.

11 марта 1911 года.

Присутствовали: подъ председательствомъ Н. Ф. Сумцова, при секретарѣ Е. М. Ивановѣ, члены: Д. И. Багалъй, В. А. Барвинскій, І. А. Бродовичъ, В. П. Бузескулъ, И. Пав. Вахомскій, В. И. Веретинниковъ, А. В. Ветуховъ, Ген. Эд. Гинце, Н. С. Гольдинъ, Н. Н. Дурново, Г. Ю. Ирмеръ, Бор. П. Климовъ, Н. Н. Кноррингъ, М. Д. Линда, Н. М. Пакуль, С. В. Соловьевъ, Е. Н. Темниковскій, Д. А. Ткаченко и гости проф. Проданъ, К. Смирновъ и г. Гордѣевъ.

І. По прочтеніи и утвержденіи протокола предыдущаго засѣданія, председатель сказалъ слово, посвященное памяти проф. и перваго ректора Харьковскаго университета Ив. Ст. Рижскаго по поводу исполняющагося 14 марта т. г. 100-лѣтія со дня его смерти. Охарактеризовавъ покойнаго, какъ солиднаго въ свое время ученаго, выдающагося администратора и человѣка съ прекрасными душевными качествами, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ профессорской средѣ и въ обществѣ, Н. Ф. въ заключеніе отмѣтилъ неосновательность появившагося въ мѣстныхъ газетахъ извѣстія о ветхости памятника на могилѣ Рижскаго и объ отсутствіи заботъ о немъ со стороны университета. Вопросъ о ремонтѣ памятника возникалъ въ правленіи университета въ 1895 году, но при осмотрѣ былъ признанъ хорошо сохранившимся; въ 1905 году намятникъ былъ ремонтированъ, а при осмотрѣ его въ текущемъ году членами правленія проф. В. Ф. Левитскимъ и проф. Н. Ф. Сумцовымъ онъ былъ найденъ въ хорошемъ состояніи. По предложенію г. председателя память покойнаго была почтена вставаніемъ.

Въ дополненіе къ сообщенію Н. Ф. Сумцова, Д. И. Багалъй остановился на вопросѣ о днѣ смерти И. С. Рижскаго, каковымъ слѣдуетъ считать 14 марта, и на церемоніи его похоронъ, описанныхъ въ особой брошюрѣ 1811 г. Смерть Рижскаго вызвала въ Харьковѣ всеобщее сожалѣніе и была крупнымъ событіемъ въ мѣстной жизни; важность этого момента отмѣчается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что при погребеніи выступилъ съ рѣчью архіепископъ Христофоръ Сулима, который вообще не любилъ рѣчей и до того времени выступалъ съ рѣчью только одинъ разъ, при открытіи университета. Характерной

¹⁾ Протоколы за 1905—1910 годъ, въ виду ихъ многочисленности, предположены къ изданію отдѣльно. Съ 1911 г. идутъ въ „Вѣстникъ Ист. Фил. Общ.“.

особенностью въ церемоніи похоронъ было также то, что въ похоронной процессіи вслѣдъ за орденами несли сочиненія Рижскаго, которыя въ свое время были приняты въ качествѣ руководствъ во всѣхъ русскихъ университетахъ.

II. Н. Ф. Сумцовъ сказалъ слово въ память извѣстнаго украинскаго ученаго Павла Игнатьевича Житецкаго, скончавшагося 5 марта т. г., и сообщилъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ. Покойный род. въ 1836 году въ Кременчугѣ, образованіе получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи и въ Кіевскомъ университетѣ. Нѣкоторое время онъ былъ прив.-доц. въ Петербургскомъ университетѣ, но при переходѣ въ Кіевъ ему не удалось получить доцентуры. Это однако не помѣшало ему продолжать свою научную работу, цѣнность которой впоследствии была засвидѣтельствована Академіей Наукъ, избравшей его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Труды П. И. Житецкаго посвящены украинскому языку, старой и новой украинской литературѣ и народной поэзіи. Сюда относятся: его диссертация „О звуковой исторіи малорусскаго языка“, „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго яз.“, большой трудъ объ „Энеидѣ“ Котляревскаго въ связи съ обзоромъ украинской литературы XVIII в., Мысли о народныхъ думѣхъ, о переводахъ Евангелія на малорусскій яз. Труды Житецкаго отличаются широкой постановкой вопроса и свидѣлствуютъ о его большой наблюдательности. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

III. Н. Ф. Сумцовъ, сообщивъ о предстоящемъ чествованіи памяти Т. Гр. Шевченка въ особомъ засѣданіи Общества, остановился на разборѣ отрицательныхъ отзывовъ о Шевченкѣ Микѣшина, Максимовича и Куліша, омрачающихъ память великаго украинскаго поэта. Въ противовѣсъ этимъ отзывамъ, отмѣчающимъ у Шевченка чрезмѣрную склонность къ вину, побуждавшую нѣкоторыхъ (напр., семью Толстыхъ) уклоняться отъ близкаго знакомства съ нимъ, докладчикъ привелъ отзывы Юнге, Костомарова, грузинскаго поэта Церетелли, ученика Т. Г. Сухова-Подколызина и бр. Лазаревскихъ, которые свидѣлствуютъ о томъ, что Шевченко былъ далекъ отъ приписываемыхъ ему излишествъ и былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ; отрицательные отзывы о немъ должны быть признаны слишкомъ рѣзкими и несоотвѣтствующими дѣйствительности. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

IV. В. П. Бузескулъ, охарактеризовавъ вкратцѣ научную и общественную дѣятельность недавно скончавшагося Мих. Матв. Стасюлевича, заявилъ, что снимаетъ съ очереди свой докладъ о научныхъ трудахъ Стасюлевича по древней исторіи, т. к. онъ уже появился въ печати (В. Евр., мартъ). Память М. М. Стасюлевича была почтена вставаніемъ.

V. С. В. Соловьевъ сдѣлалъ докладъ о *новой Сорбоннѣ*. Коснувшись въ общихъ чертахъ ея исторіи и указавъ, что Сорбонна, переданная Наполеономъ I въ вѣдѣніе Парижскаго университета, до недавняго времени представляла собою словесный факультетъ, въ задачи котораго входило давать общее историко-литературное образованіе молодымъ людямъ, посвящающимъ себя преподавательской

дѣятельности, докладчикъ остановился на методахъ преподаванія въ современной Сорбоннѣ. За послѣдніе годы преподаваніе всѣхъ дисциплинъ, входящихъ въ программу Сорбонны, носить узкій, спеціальный характеръ; воспитанники уже не изучаютъ ни философіи, ни исторіи литературы: бібліографія, филологическіе комментаріи замѣняютъ *studia humaniora*. Профессоръ, объявляющій курсъ по исторіи французской литературы XVII—XVIII в., въ теченіе трехъ лѣтъ знакомитъ студентовъ только съ бібліографіей, но не съ произведеніями Мольера, Вольтера, Руссо; кандидатскія диссертациі посвящаются глаголу, прилагательному у Монтэня, Ленау, Гейне..., неопредѣленному наклоненію у Сидонія Аполлинарія и пр. Реформа Сорбонны раздѣлила французскихъ ученыхъ на два лагеря—сторонниковъ общаго гуманитарнаго образованія (Леруа Вольте, Рене Думикъ и др.) и сторонниковъ узкаго, утилитарнаго, спеціальнаго преподаванія на словесномъ фалькутетѣ (деканъ Сорбонны Круазе, Сеньобосъ, Лансонъ). Съ прошлаго года полемика между учеными перешла на страницы газетъ и журналовъ (*Débats, Temps, Opinion*), посвятившихъ вопросу о реформѣ Сорбонны рядъ статей; въ полемикѣ приняли участіе и представители студенчества. Въ этихъ статьяхъ было указано на пониженіе общаго образованія во Франціи, благодаря Сорбоннѣ, выпускающей въ жизнь узкихъ спеціалистовъ, ремесленниковъ, незнакомыхъ съ исторіей литературы и культуры, нерѣдко неумѣющихъ излагать свои мысли и правильно писать на родномъ языкѣ.

Въ обсужденіи доклада принимали участіе: В. П. Бузескулъ, отмѣтившій, что сторонники узко-филологическаго преподаванія (Круазе, Сеньобосъ) затрагиваютъ въ своихъ трудахъ широкія темы, и Проданъ, объяснившій новое направленіе въ Сорбоннѣ общимъ стремленіемъ подражать нѣмцамъ, вызваннымъ франко-прускою войною.

VI. В. И. Веретенниковъ въ своемъ сообщеніи остановился на характеристикѣ вновь выходящаго труда „Исторія русскаго искусства“ подъ ред. И. Грабаря. Отмѣтивъ неустановленность пониманія въ наукѣ методовъ и задачъ исторіи искусства и связанной съ этимъ трудности положенія всякаго изслѣдователя въ этой области, докладчикъ указалъ на еще большую трудность положенія историка русскаго искусства, вслѣдствіе общей большой неразработанности у насъ вопросовъ искусства. По плану трудъ Грабаря обнимаетъ собою исторію архитектуры, живописи, скульптуры и прикладнаго искусства, при чемъ замѣтно стремленіе особенно выдвинуть исторію архитектуры второй половины 18 и начала 19 в.в. Исторія живописи раздѣляется на крайне неопредѣленные и разнохарактерные отдѣлы, то въ зависимости отъ предмета картины, то въ зависимости отъ эпохи, то—отъ внутренней оцѣнки, при чемъ тутъ должна быть отмѣчена не совсѣмъ ясная терминологія (напр. интимный пейзажъ и пр.); введеніе мало разъясняетъ эти недоумѣнія читателя; точка зрѣнія художника-модерниста, опредѣленно проглядывающая во всей части введенія, посвященнаго исторіи живописи, сильно умаляетъ научность

труда. Заслуживаетъ большой похвалы привлеченіе обильнаго новаго матеріала или мало извѣстнаго, или совершенно новаго. Общее изложеніе носитъ характеръ антикварно-описательный; внутренняя связь въ работѣ мало замѣтна; эволюція въ исторіи искусства совершенно неясна. Во всей исполненной работѣ, по мнѣнію докладчика, въ общемъ слишкомъ мало научнаго историзма и очень много художническаго, до крайности субъективнаго эстетизма.

Въ обсужденіи доклада принимали участіе Д. И. Багал'ѣй и студ. Гордѣевъ, при чемъ Д. И. отмѣтилъ значеніе труда Султанова и Суслова, по схемѣ одинаковаго съ трудомъ И. Грабаря, и указалъ на заимствованіе Грабаремъ многихъ фотографій изъ колоссальной коллекціи Боршевскаго.

VII. Заслушаны и приняты предложенія обмѣниваться изданіями со стороны слѣдующихъ учреждений: Библіотеки Астора въ Нью-Йоркѣ, историко-филологическаго отд. Мюнхенской Академіи, Хлудовской бібліотеки рукописей и церковно-археологическаго отд. Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Постановлено выслать послѣдніе томы „Сборника“ Истор.-Филол. О-ства въ бібліотеки Кіевскихъ и Харьковскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Заслушано сообщеніе Московскаго Археологическаго Общества о предстоящемъ XV-мъ Археологическомъ Съѣздѣ съ просьбою доставить списокъ командируемыхъ Истор.-Филол. О-ствомъ депутатовъ для участія въ трудахъ Съѣзда. Постановлено командировать Д. И. Багал'ѣя, Н. Ф. Сумцова, Д. П. Миллера, В. А. Барвинскаго, Г. Ю. Ирмера, Н. Н. Кнорринга, Г. Э. Гинце, Ив. Павл. Вахомскаго, Е. М. Иванова, Н. Г. Плесскаго и А. И. Вѣлецкаго.

Докладъ К. Смирнова „О треугольникѣ противоположностей и законѣ исключеннаго четвертаго“ снятъ имъ съ очереди въ виду появленія его въ печати (Ж. М. Н. Пр.).

Предложены въ члены Общества проф. Альфредъ Генриховичъ Зоммеръ, преподаватель 1-го реальнаго училища Гринг. Иван. Ющенко и директоръ II гимн. Теодоръ Георгіевичъ Пактовскій. Постановлено подвергнуть ихъ баллотировкѣ въ слѣдующемъ засѣданіи.

1 апрѣля 1911 года.

Присутствовали: подъ предѣлательствомъ Н. Ф. Сумцова, при секретарѣ Е. М. Ивановѣ, члены: Н. М. Баженовъ, В. А. Барвинскій, И. П. Вахомскій, А. В. Ветуховъ, Н. Н. Дурново, В. П. Климовъ, Н. Н. Кноррингъ, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, І. І. Филевскій и Е. А. Черноусовъ.

I. По прочтеніи и утвержденіи протокола предыдущаго засѣданія, г. предсѣдатель внесъ предложеніе объ изданіи „Вѣстника Историко-Филологическаго

Общества“, имѣющаго цѣлью болѣе частое общеніе съ людьми науки и широкими слоями общества. Высказываясь по вопросу о необходимости изданія „Вѣстника“, Н. Ф. Сумцовъ между прочимъ отмѣтилъ, что всѣ послѣдніе томы „Сборника“ И.-Ф. О. были связаны или съ южнорусскими археологическими съѣздами (въ Харьковѣ, Екатеринославѣ), или съ именами чествовавшихся заслуженныхъ членовъ Общества, а потому и подборъ матеріала для „Сборниковъ“ носилъ спеціальный характеръ, исключавшій возможность печатать многіе другіе матеріалы, большіе и малые, а также протоколы и отчеты; большой объемъ этихъ „Сборниковъ“, при медленности печатанія, надолго затягивалъ появленіе ихъ въ свѣтъ. Благодаря такимъ условіямъ, нѣкоторыя стороны дѣятельности Общества, а особенно его текущая жизнь оставались въ тѣни, и живая связь съ иногородними членами Общества и ученымъ міромъ прерывалась. Проектируемый „Вѣстникъ“, имѣющій цѣлью установить болѣе живое и частое общеніе съ разными лицами и учрежденіями въ кругѣ историко-филологическихъ изысканій, будетъ выходить 4 раза въ годъ, выпусками до 3 печат. листовъ; въ немъ должны помѣщаться протоколы засѣданій Общества, его комиссій и Педагогическаго Отдѣла, отчеты о рефератахъ, краткія сообщенія, небольшого размѣра матеріалы, бібліографическія статьи и замѣтки о научныхъ новостяхъ, портреты и рисунки. Подготовка матеріала и корректура должна быть поручена особою редакціонною комиссію.

По обсужденіи предложенія г. предсѣдателя, постановлено: 1) издавать „Вѣстникъ“ по 4 вып. въ годъ, отъ 3 до 5 печ. листовъ каждый, не прекращая въ то же время изданія „Сборника“; 2) редактированіе поручить особою комиссію, состоящей изъ предсѣдателя, секретаря и 3 членовъ Общества; 3) предѣльный объемъ для статей положить въ 1 печ. листъ при печатаніи ихъ въ одномъ выпускѣ; при печатаніи статьи по частямъ—въ 2-хъ и нѣсколькихъ выпускахъ—объемъ можетъ быть допущенъ болѣе большой; 4) отдѣльные оттиски за счетъ Общества выдавать автору въ томъ случаѣ, когда статья будетъ не менѣе 8 страницъ; 5) количество экземпляровъ „Вѣстника“ пока ограничить 1000.

Въ члены редакціоннаго Комитета „Вѣстника“ были избраны по запискамъ В. И. Савва, С. В. Соловьевъ и А. В. Ветуховъ.

II. На 1911 годъ назначены слѣдующія темы: на премію имени проф. А. А. Потебни: 1) языкъ и стиль Г. Ф. Квитки-Основьяненко и 2) Современные малорусскіе говоры; на премію имени проф. М. С. Дринова: 1) Болгарская народная поэзія и 2) Журналъ „Кіевская Старина“, какъ источникъ для изученія исторіи и этнографіи (съ составленіемъ бібліографическаго указателя).

III. Въ члены Общества избраны проф. Альфредъ Генрихъ Зоммеръ, Оед. Георг. Пактовскій и Гр. Ив. Ющенко.

**Спеціальные капиталы Историко-Филологического Общества
для выдачи съ % премій за лучшія студенческія сочиненія.**

Къ 1-му сентября с. 1911 г. при Х. Ист. Фил. Обществѣ числились слѣдующіе спеціальные именные капиталы съ %:

1) Имени проф. *А. А. Потебни* († 29 нояб. 1891 г.) 3117 р. 80 к., за сочиненія на темы *по исторіи русскаго языка и литературы*. Преміи выдаются ежегодно съ 1895 г.

2) Имени проф. *М. С. Дринова* († 28 февр. 1906 г.) 2844 р. 94 к., за сочиненія по *славяновѣдѣнію*. Назначеніе темъ идетъ съ 1909—1910 акад. года.

3) Имени проф. *Е. К. Рѣдина* († 28 апр. 1908 г.), въ суммѣ 1322 р. 08 к., за сочиненія по *исторіи искусства и археологіи*.

Разрѣшеніе сбора пожертвованій на преміи имени проф. Рѣдина дано съ тѣмъ, чтобы производить его среди „почитателей покойнаго, его товарищей и учениковъ“. Сборъ продолжается. Ист. Фил. Общество надѣется на поддержку тѣхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ *Е. К. Рѣдинъ* состоялъ членомъ, его товарищей и учениковъ.

